

Сергей Ленин

История

О жизни и о любви

Сергей Ленин

21 история о жизни и о любви

«Издательские решения»

Ленин С.

21 история о жизни и о любви / С. Ленин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856228-0

Это истории и рассказы о жизни простых людей, которые ежедневно окружают нас, проходят мимо со своими заботами и переживаниями. О ярких чувствах и об унылом быте, о грусти и о радости. О вечных чувствах: любви, материнстве, верности и изменах. Деликатные и в то же время умопомрачительные эротические сцены могут способствовать освобождению вас от необходимости применения афродизиаков. Здесь можно погрузиться, посмеяться и поплакать. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-856228-0

© Ленин С.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вместо предисловия	8
PRO любовь	10
1. Олеся и Леопольд	10
2. Старый козёл	12
3. История Светланы	14
А волны и стонут, и плачут...	14
Мелодия любви	15
Бесстрашный ботаник	17
Сексофилософопатолог	20
Окончание истории Светланы и Аркадия	22
Голубоглазая блондинка	24
4. Истории про Фёдора	27
Девичий разговор	27
Волшебник и волшебство	28
Бегство в Усть-Илимск	30
Любовь и зарождение новой галактики	32
Топором по любви не хотите?	33
Забота о здоровье. Умирать-то неохота	35
Свадьба и брачная ночь на осколках битого стекла	36
Верность – лучшее качество донжуана	37
5. Мужские гулянки и измены	39
По грибы да по ягоды в тайгу, или Персики да розочки	39
Поджаренные яйца	45
Деревенская экзотика	48
6. Женские измены и утехы	51
Приключения царицы Тамары	51
Дружеская гулянка	51
Крыша поехала	55
Инструкция о том, как правильно пользоваться сиськами	56
Откровения об изменах	57
Возвращение Тамары домой	58
7. Дела семейные	60
Сантехник Гоша Горбачёв	60
Проблемы среднего возраста	65
8. Оргазмотерапэут, или Рекомендации по единственно правильному методу лечения	69
Встреча друзей	69
Первый опыт целителя	70
Грустная Ольга	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

21 история о жизни и о любви

Сергей Ленин

Дизайнер обложки Алексей Витальевич Яшкин

© Сергей Ленин, 2019

© Алексей Витальевич Яшкин, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-6228-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Сергей Ленин. Почему такой псевдоним? Да это не псевдоним. Я вообще-то Ленин муж. Жена у меня Лена. Может быть, поэтому захотелось таким образом сделать посвящение своей любимой на всю жизнь и единственной жене, которая терпеливо идёт со мной по жизни.

А почему именно двадцать одна история о жизни и о любви? Может, это, типа, от карточной игры в очко? Нет, это, наверное, из моего воображения о том, что у человека двадцать один палец. При этом я не имею в виду женщин. Вот для каждого пальца и по истории. Немного задумался. Всё-таки для двадцати первого пальца историй о любви больше получилось...

Итальянский писатель Джованни Боккаччо в 1352—1354 написал собрание из ста новелл «Декамерон», или «Десятиднев» (в переводе с древнегреческого). Это одна из самых знаменитых книг Раннего Ренессанса в Италии, посвящённая теме любви, начиная от её эротической тематики и заканчивая трагическими аспектами. А написана она на манер титула одного из трактатов Нехамерон («Шестоднев») святого Амвросия Медиоланского. Некоторые деятели того времени считали, что произведение Боккаччо подрывает устои религии и морали.

Но и позднее вопросы взаимоотношения полов не утратили своей актуальности. Французский писатель Ги де Мопассан (1850—1883) опубликовал около двадцати сборников короткой прозы о любви в стиле натурализма. Французский писатель Андре Моруа (1885—1967), автор психологических романов «Превратности любви», «Семейный круг», «Из писем к незнакомке», искусно исследовал тему взаимоотношений между мужчиной и женщиной. А сколько наших русских великих писателей воспевали любовь!

Ни капельки не претендую на оригинальность. И даже не пытаюсь приблизиться к великим. Однако хотелось бы немного поговорить с читателем о высоких чувствах в современных условиях жизни. Тем более что писал я этот немного хулиганский труд в несколько отвяжном стиле на слабо. В августе 2016 года поспорили с замечательным иркутским художником Алексеем Яшкиным (он и оформил обложку настоящей книги). Вот и родились эти истории между написанием черновиков двух моих родословных книг под общим названием «Иркутская сага. Воспоминания о прожитом». Я находился в ожидании заключения по архивным историческим исследованиям о жизни моих предков от прекрасного историка Сергея Шишкина из Вятки, вот и время появилось для написания этой книги.

География описываемых событий широка: Иркутск, Тулун, Тайшет, Братск, Усть-Илимск, Днестровск и, конечно же, космические дали энергоинформационного пространства, а также путешествия во времени в далёкое прошлое и будущее. Любовь, восторг, страдания, разлуки. Да, ничего со времён Джованни Боккаччо не изменилось. Появились новые технологии, полёты в космос. А радуга чувств осталась неизменной. Как и тогда, в далёком прошлом, так и сейчас мы испытываем сходные переживания. Совершаем похожие поступки, ошибаемся. Короче, любим. И будем любить всегда, пока существует этот мир!

Ладно, пора уже прамбулу заканчивать. И так уже понятно, что автор этой книги – жизнерадостный и ироничный человек. Прелесть коротких рассказов нахожу в том, что каждый их прочитавший осмысливает и домысливает содержание исходя из личного опыта и своего мироощущения. Современному человеку трудновато представить себя в древние времена и в будущем, а тут – пожалуйста. То, что не дописано автором книги, дорисовывает фантазия читателя. Одни не увидят в этих рассказах ничего. Кто-то может сделать для себя открытие о незнакомом порыве души или прийти к философским размышлениям о мироздании. У других могут возникнуть ассоциации от прочтённого материала, о которых автор и не мог помышлять. Кто-то может разразиться гневом и критикой. А мне кажется, что в этих рассказах необузданный секс, любовь, уважение к старшему поколению как простая житейская линия переплетаются со светлой грустью.

Здесь каждый может увидеть частичку себя самого. Задуматься о своей собственной судьбе и судьбе своих близких людей, чтобы быть чище и добрее.

Впрочем, каждый волен реагировать как посчитает нужным.

Все истории, все события и почти все персонажи вымышлены, случайные совпадения не имеют никакого отношения к реалиям.

Если вас начнут терзать мысли, что в прочитанных историях вы увидели кого-то из своих знакомых или родных, остановитесь и прочитайте пункт, приведённый выше.

Данная книга явилась пробой пера. Её рассказы и истории в дальнейшем легли в доработанном и отредактированном виде в основу некоторых других книг, написанных уже на профессиональном уровне.

Вам, мой дорогой читатель, судить о том как это получилось.

Книга не рекомендуется детям до 18 лет, а также ворчунам, занудам и гундосам.

Email: sergey.lenin54@mail.ru

Вместо предисловия

Отзыв дорогого мне читателя

Прочитав много разных отрывков из черновиков трёх моих книг, мой одноклассник и друг Александр Василков написал такой вот отзыв.

«Сергею Ленину – Человеку... и Однокласснику

Записки нелитературного критика (одноклассника, не изучавшего литературу на последней парте).

Начинаю без предисловий и вводной части.

Самым важным для меня после прочтения рассказов было ощущение: я вновь открыл для себя вроде бы знакомого человека, с которым десять школьных лет изо дня в день встречался в классе, а иногда и сидел за одной партой. Оказалось, что я совершенно его не знал, может, и не пытался узнать, не интересовался, что одно и то же. Это касается и школьных лет, и плавания в океане дальнейшей жизни. Видимо, был заиклен на том, что вращалось вокруг или около меня, а посмотреть по сторонам и чуть глубже копнуть не мог или не хотел. Ошибки юности мятежной. Конечно, поставил себе большой жирный Минус.

Вроде бы не первый год на свете живу, кое-что видел, слышал, знаю. Но было приятно и интересно узнать много нового о прошлых годах детства, юности, молодости. То, что, по идее, должен или мог знать. Спасибо автору за устранение пробелов. Лучше поздно, чем никогда! А желание С. Ленина освоить писательскую стезю вызвало и удивление, и Уважение.

Это моё Открытие имеет Огромный знак Плюс.

Несомненно, в моём лице Книга нашла своего читателя (очень надеюсь, что она будет издана). Я этого и не стану скрывать. И мне будет гораздо интереснее прочитать именно книгу, чем лазить в интернете (об этом мы говорили).

Я как бы заново окунулся в атмосферу тех дорогих для меня лет, лет нашего детства и юности. В атмосферу нашего города, который я тогда очень любил, центр его – «брода». Всё это тоже живёт в моей душе и всегда будет находить положительный отклик. Не скрою, я склонен к ностальжи. А если это ещё описано с теплотой, любовью, лёгкой иронией (к чему, на мой взгляд, автор склонен), то успех обеспечен. Конечно, не могу прогнозировать, как воспримут рассказы другие читатели, каждому своё, но в моём сердце они нашли отклик. Думаю, для этого и писались (труды не пропали даром). Вряд ли имею право говорить о Литературной составляющей (смотри заголовок), но кое-какие моменты отмечу. О сюжетной стороне. Честно говоря, меня больше тронули не хулиганские рассказы, а истории из книги «Иркутская сага», например «С чего всё начиналось» (тем более что твою маму я знал), «Иркутские истории», «Институт», «Усть-Илим» и т. д. Объясню почему. Это находит больший отклик в моей душе. Я не ханжа, не аскет. Ничто человеческое мне не чуждо (и профессия этому способствовала). Но, как в юности нравились рассказы Ги де Мопассана, подобное уже не возбуждает. То ли точка невозврата пройдена, то ли другие причины, но факт. Жизненные перипетии трогают больше. Хотя должен признать, что эротические сцены выписаны с потрясающим знанием дела (Мопассан отдыхает). Невооружённым взглядом видно желание преподать сей божественный акт не как «пихи-пихи», а как своего рода искусство, где нет места пошлости и тупому стандарту.

Мне понравилось отношение автора к своим героям (или как выписаны они). Как к главным, так и к второстепенным. Явно просматривается уважительное отношение, а большей частью любовное (не путать с сексуальным). Имею в виду ту теплоту, которую он вложил в образы, поступки, переживания. Пусть и в самых простых, обыкновенных жизненных ситуациях. Вот я так увидел. Достаточно ярко выписаны картинки природы или природные усло-

вия, в которых происходят действия. Видно, что проведена большая работа. Я бы сравнил это с тончайшей работой по дереву или гравировкой, а не с размахиванием топором, когда «лес рубят». Понятно, что хотел передать автор, как чувствовал в той или другой ситуации (мне это близко). Словом, написано с душой и душой. За это низкий поклон. Но наверное, иначе не стоило и садиться писать.

Пусть всё остальное разберут литературные критики. Думаю, что они найдут и недочёты, шероховатости. Но для меня главное – тот дух (близкий мне дух), атмосфера, которой наполнены рассказы.

Повторюсь, одного благодарного читателя твоя книга точно нашла, можешь не сомневаться. Наверняка будут и другие. Пиши ещё, только не в стол.

P. S. Не подумай, ради бога, что я хотел тебе польстить или боялся обидеть резким словом. Хотя я в каком-то смысле заинтересованный человек (всё-таки годы нашего знакомства не сбросить со счетов). Но в заинтересованности в написании положительного отзыва и извлечении из этого каких-то дивидендов меня точно трудно заподозрить.

Если найдёшь в тексте много ошибок (орфография, пунктуация и т. д.), не серчай на старого одноклассника (последняя парта по-разному влияет на людей). Главное, чтобы они не резали тебе глаз.

Извини, что так затянул с обещанным отзывом. Но всегда стараюсь выполнять обещания. До новых встреч.

С большим уважением, Старый (во всех смыслах) одноклассник А. Василков».

ПРО любовь

Мужской разговор у таёжного костра. Без любви никуда...

1. Олеся и Леопольд

Любовь иркутского художника

Потрескивали сучья в таёжном костре. Он, как одинокий маяк посреди океана, отбрасывал световые блики в крошечную темноту, указывая путь к человеческому логову в лесной глуши. Языки пламени плясали свой танец с бубнами. Только бубны уже все обгорели, а пепел от них унесло выше сосновых вершин и развеяло по всему околотку ещё никем не тронутой тайги. Вернее, она была тронута, но это так, слегка. Лётнаб (лётчик-наблюдатель) пожарной авиации по охране лесов Толик Семёнов по блату забросил корешей в почти непроходимую тайгу. Видишь ли, они устали от мирской суеты. Стресс им снять надо необычным образом, понимаешь. Вот и залетели в таёжную глушь к истокам реки Лены. Ох, если бы Серёгина жена Лена увидела эту сцену, она бы дала просрать всем этим отшельникам, валяющимся в дымину пьяными в палатке. Ух, блин, по их хрустальному и ранимому самолюбию проехал бы отрезвляющий бульдозер здравого смысла. Но цивилизация была далеко. Мужики, громко посапывая, смачно храпели, а Леопольд сидел один. Ему взгрустнулось. Мохнатые крылья трогательных воспоминаний накрыли сознание уже немолодого самобытного художника, возвращая его в далёкие годы молодости и беспечности. Перед ним открылось полотно его жизни, пожалуй, самая милая, самая дорогая и трогательная картина.

Вот Леопольд сидит в своей художественной мастерской, что в подвале кинотеатра «Пионер» на улице Карла Маркса в Иркутске. Он весь поглощён работой. Предстояла премьера фильма «Виннету – вождь апачей», и надо было своевременно сделать рекламный плакат. Работа близилась к концу, но вдруг нечаянно опрокинулась банка краски. Она залила пятном мужественное лицо главного героя Пьера Бриса.

– Ну блин, – начал чертыхаться Леопольд, – опять непраха сегодня.

В этот момент дверь каморки приотворилась. Её холостяцкий бедлам осветило милое личико девчонки. Леопольду некуда было идти после рабочего дня. Никто его не ждал. Жилья в Иркутске не имел. Вот и работал как папа Карло, тут же и жил. За порядком в каморке он сильно не следил. Рабочий хаос сопровождал Леопольда всю жизнь.

– Девушка, вы ко мне? – начал игривым тоном шутить Леопольд. – Будете позировать для бессмертного произведения? Я вижу ваше обнажённое тело в свете увядающих закатных лучей солнца. Вы ярче всех титанических героинь. Рембрандт отдыхает. Ой, как я вас изображу!

Солнечный луч скользнул по летнему платьишку девушки. Она стояла робко и завороченно глядела на иркутского живописца, с творчеством которого ещё не успела познакомиться мировая общественность.

– Что вы такое говорите? Если мой папа узнает, он просто убьёт меня, да и вас заодно, – тихо произнесла Олеся.

– Фу, какая дикость. При таком раскладе мир не увидел бы «Даная» Рембрандта, «Купальщиц» Гюстава Курбе, «Перед баней» Пьера Огюст Ренуара, «Олимпию» Эдуарда Мане. Проходите, пожалуйста. Меня зовут Леопольд, – весело улыбаясь, сказал художник.

– Меня зовут Олеся, – звонко засмеялась девчонка. – Как красиво и увлекательно вы говорите, – включилась в разговор очаровательная Олеся.

Уже через минуту они пили чай и громко смеялись. Леопольд рассказывал Олесе, как он из-за отсутствия жилья ночевал в огромном шкафу художественной академии в Ленинграде, когда учился в реставрационном художественном училище. Как стоял на стрёме и чуть не попал в банду профессиональных ленинградских воров. Он говорил о своих трудностях и тяготах тепло и весело, с присущим ему природным чувством юмора. Олесья была просто заколдована этим уже взрослым парнем. Леопольду было 25 лет, а Олесе только что исполнилось 19 лет.

Вот уже в ход пошло вино «Ркацители». Его терпкий вкус с лёгким алкогольным воздействием растопил защитную реакцию девушки, и вот она, уже обнажённая, сидит посреди каморки художника. Она доверилась Леопольду. Солнечный луч угасающего заката пробежал по её упругой девичьей груди, касался её губ, отражался в озере голубых её глаз. Казалось, что среди разбросанных тут и там планшетов, деревянных заготовок для рекламных щитов, обрывков холста из-под земли начал бить родник. Родник чистой, как слеза, студёной воды. Тайный источник, манящий своей свежестью и непорочностью.

Наш Рембрандт сидел обалдевший и заворожённый. Он не мог оторвать взгляд от красавицы. Он не мог начать писать картину. Когда он вставал, чтобы размять своё тело от перенапряжения, попереминался с ноги на ногу, Олесья испуганно вскрикивала, закрывала обнажённую грудь ладонями. Картина так и не получилась, но он сблизился с Олесей, как может сблизиться молодой мужчина с молоденькой девушкой. Сблизился и уже не отпускал никогда. Спустя немного времени они лежали в своей импровизированной постели.

– Милая, – нежно обратился Леопольд к своей избраннице, – а не завести ли нам ребёнка? Я очень хочу, чтобы ты подарила мне наследника или красавицу дочку.

– У меня уже два месяца задержка, дорогой. Я не знала, как сказать тебе об этом, – заговорила Олесья, нежно целуя своего Рембрандта, Ван Гога, Тициана, он ей был дороже всех этих названных гигантов кисти и холста.

Это был её Леопольд, так и не нарисовавший бессмертный портрет своей любимой.

Отец Олеси Георгий Павлович вопреки ожиданиям убивать дочку и зятя не стал. Он с любовью посматривал, как нежно и трепетно Леопольд обнимает за талию стройную фигурку Олеси. Он как мужик понимал своего зятя и радовался за дочку.

Потом молодую семью охватили приятные заботы: на свет появилось два сына, два наследника – Василий и Илья.

А портрет жены, наверное, предстоит ещё написать.

2. Старый козёл

В палатке что-то зашевелилось, видать, сработали гидравлические будильники. Один за другим из удушья алкогольного тумана и сизого перегара выползают двое: Серёга и Михалыч. Зевающий Леопольд передаёт свой пост кострового Сергею. И уползает в палатку, чтобы во сне вернуться в свои грёзы по ушедшей молодости, если повезёт, конечно, сразу отрубиться и провалиться в сказочный мир сновидений. Вот пусть Серёга теперь и ведёт дальнейший рассказ о наших приключениях в предгорьях саянских отрогов, где красота природы просто завораживает, располагая к открытым, честным и откровенным разговорам.

– Ничего не поделаешь, раз высунулся, буду вести рассказ о наших приключениях и воспоминаниях, – улыбнулся Серёга.

Сидим у костра. Михалыч палкой начинает разгребать угли. Вдруг – пых! Просмолённый сук выстреливает, ударяясь о тлеющие угольки, подпрыгивает. От удара или ударной волны во все стороны разлетаются огоньки. Я суетливо стряхиваю их со своей штормовки. Смотрю на Михалыча, а он пляшет, как будто ему скипидаром смазали одно место. Прыгает, верещит, потом падает на траву и начинает перекатываться с боку на бок. Я не понимал, что происходит. Как помочь Михалычу?

Потом всё внезапно, как и началось, резко успокоилось.

Оказалось, это один тлеющий уголёк залетел Михалычу за шиворот и жёг его кожу, пока не догорел совсем. Михалыч потряс своей телогрейкой, как трясут собаки своей шкурой, вылезая из реки, присел и начал свой рассказ.

– Понимаешь, Серёга, мы с тобой почти ровесники, нам уже за пятьдесят, есть и мудрость, вроде бы и жизненный опыт. Но случается порой такое, что сердце плачет и его раздирает на части. Послушай меня.

Недавно ко мне в душу так же внезапно залетела огненная молния, а потом растворилась, погасла и исчезла, оставив незаживающие ожоги да ноющую боль в моём сердце. Было это в прошлом году. Меня как главврача санатория командировали в город Сыктывкар для участия в конференции врачей. Со мной поехала девчонка-практикантка, ей предстояло выступление на секции молодых специалистов. Облздравотдел командировал нас.

Сначала мы на поезде добрались до нашего северного города Братска, там пересели на самолёт. Потом опять поезд, автобус, приехали за полночь. Устали как собаки. С размещением в гостинице были накладки.

Дежурная до утра поселила нас в одноместный номер. Мы и этому были рады. Скинув куртки, не раздеваясь, мы улеглись на узенькую кровать и провалились в крепкий сон. Просыпаюсь под утро. Наташа, так звали девушку, прижалась спиной к стене. Её белокурая шевелюра расплескалась на моей груди. Одна рука обнимает меня. Девчонка посапывает во сне и периодически вздрагивает. Я пытаюсь отодвинуться, чтобы освободить немного места на кровати. Но она во сне инстинктивно прижимается ко мне. Я пытаюсь немного развернуть Наташу, чтобы сон её продолжился на спине. Она прижимает мою ладонь к своей груди.

Боже, я такой груди ещё ни разу не встречал и не ощущал. Она просто рвалась наружу из-под её кофточки. Сквозь этот упругий бугорок я начал слышать, как бьётся сердце девушки.

А она во сне, видимо, боясь остаться одна, бессознательно прижимает и прижимает меня к себе. Её губы начинают шептать: «Я боюсь, я боюсь, не бросай меня, мне страшно».

Я лежу, весь зачарованный, молча. Я боюсь шевельнуться, чтобы не разбудить это божественное создание.

Первые лучи восходящего солнца заглянули в окно нашего гостиничного номера. Сумерки понемногу начали таять, уступая свои владения морозному утру.

Потом... я проваливаюсь и тону, как в омуте, в поцелуях этой красавицы. Я никогда раньше не обращал на неё внимания на работе. И когда всем коллективом ехали в автобусе с работы, она тоже не притягивала моего взора.

А сейчас... Её поцелуи всё ниже и ниже. Я не заметил, как на нас не осталось никакой одежды. Наверное, во время землетрясения стены этой гостиницы ходили ходуном. А причиной этого «природного» явления были мы с Наташей. Закончилось всё так же внезапно, как и началось. После длинной паузы послышалось: «Михалыч, прости меня. Это какое-то наваждение. Сейчас мне стыдно перед самой собой. Я никогда не позволяла себе быть такой раскрепощённой даже со своими парнями». – «И много у тебя их было?» – ласково спрашиваю я. «Нет, вы третий», – задумчиво со слезами на глазах произносит Наташа.

Я успокаиваю девушку, говорю какие-то банальности. А она сидит и молча плачет. На регистрацию семинара мы опоздали. Когда спускались по лестнице, гостиничные горничные и администратор с нескрываемым интересом рассматривали нас, шушукались. Конференция закончилась, все участники начали разъезжаться. Меня оставили на совещание с заместителем министра здравоохранения.

Наташа уехала, я даже не успел с ней попрощаться.

Приехав домой, я с удивлением узнал, что она без объяснения причин написала заявление об увольнении и отбыла в неизвестном направлении...

Михалыч говорил, а из глаз его текли слёзы.

– Успокойся ты, старый козёл, – ласково обнимая друга, сказал я. Что тут можно сказать ещё?

3. История Светланы

Постепенно из палатки к излучаемому нежными ниточками энергий бархатному теплу, исходящему из мягкого пламени костра, выползли из своей берлоги-палатки все остальные добровольные отшельники. Костёр, как миниатюрный термоядерный реактор, высвобождал из хвороста тепловую энергию солнца. Она была законсервирована в древесной структуре поленьев. Они когда-то были деревьями и тянулись к свету, согреваясь в лучах нашего светила и впитывая его энергию. А сейчас поленья сами отдавали это тепло людям.

Костёр монотонно потрескивал. В наш с Михалычем разговор вклинился Федотыч. Он врач редкой квалификации, что-то вроде сексуального психоаналитика и сексопатолога в одном флаконе. Лечит расстройства типа нимфомании и какие-то другие. По-простому, это когда баба хочет всегда и со всеми без разбора. А он нам научно пояснил, что нимфомания – это чрезмерное половое влечение у женщин, вид гиперсексуальности. При этом характерна постоянная сексуальная неудовлетворённость и эротическое фантазирование, непрекращающиеся поиски новых партнёров и, вследствие расторможения сексуального поведения, случайные половые связи.

Он открыл нашему вниманию исповедь своей пациентки Светланы. О том, как мерзкий «джентльмен» Ашот Абрамович направил молоденькую девчушку в сексуальный фарватер путешествия по жизни. А тщедушный ботаник Аркадий Васильевич подхватил этот хрупкий кораблик и сам же разбился о рифы жизненных будней и сексуальных бурь молодой нимфетки.

А волны и стонут, и плачут...

– Мама, а что такое аборт? – спросила третьеклассница Света у своей заботливой и внимательной мамы.

Мама сначала испугалась, потом растерялась. Затем, взяв себя в руки, рассказала дочери в мельчайших подробностях о половых отношениях мужчины и женщины, о нежелательной беременности и её прерывании. Дочь слушала внимательно. Глаза её светились детским любопытством.

– Ничего себе, как всё сложно-то, мама, – с недоумением воскликнула Света, когда мама закончила своё повествование.

– А где, Светик, ты слышала это слово? – поинтересовалась мама.

– Да мы сегодня на уроке пения разучивали песню «Прощайте, скалистые горы». «А волны и стонут, и плачут, // И быются аборт корабля, // Растаял в далёком тумане Рыбачий, // Родимая наша земля», – пропела Света.

Маму покорило.

– Не аборт, а о борт корабля. Надо правильно петь, Света, – сказала обескураженная мама.

Но дочь уже была вооружена сокровенными знаниями.

Когда в институте к ней клеились пацаны, в её ушах звучала мелодия вышеназванной песни и дальше простых поцелуев дело не заходило.

Но однажды на третьем курсе на их историческом факультете проводился медицинский осмотр. Света оказалась одной из не очень многих девственниц на студенческом потоке. Подруги начали её обидно дразнить. Типа отстой, сельпо, жизни не видала.

Света решила исправить этот, как ей казалось, недостаток. Не нашлось такого человека, который бы объяснил девчонке природные вековые ценности целомудрия. Мама с прошлого раза на сексуальные темы с дочкой не разговаривала – замкнулась после того конфуза.

И вот избранник Светы, предназначавшийся по её воле в ремонтники девичьей проблемы, вернее в её устранители, твёрдым шагом ведёт зеленоглазую брюнетку в съёмную квартиру. Ашот Абрамович – настоящий многоопытный сибиряк с примесью множества горячих кровей. Он, как штурман, должен проводить девушку в её «светлое» будущее. В сумке у него дорогой армянский коньяк и шоколадка.

Светлана, как и все другие девушки, перед встречей с трепетно ожидаемой последующей близостью была переполнена романтическими фантазиями. Она представляла, как её мужчина будет читать стихи, восхищаться её красотой. Она начинала ощущать лёгкие, нежные и волнующие прикосновения. Ей слышался бархатный баритон, с придыханием клянувшийся в вечной любви. Её обволакивали ещё неизведанные сладострастные облака любви. Всё её женское существо начинало ликовать в ожидании восторга взрослых отношений. Однако прелюдия была недолгой. Ашот Абрамович раздел Свету и начал доставать из ширинки свой инструмент. Света с перепугу бросилась в ванную комнату и закрыла за собой дверь на защёлку.

– Зачем позвала? Ты что творишь? – гневно кричал горячий «гинеколог».

Когда дверь открылась, ремонтник-освободитель нагнул Свету и со всего маха всадил ей кожаный кинжал – свой волшебный инструмент. Промахнулся специалист и попал чуть выше цели туда, где девственной плевы не было предусмотрено природой. От острой проникающей боли Света чуть не потеряла сознание. Затем вдруг её как бы ударила молния. По телу побежали электрические разряды. Начались лёгкие судороги. Светка погрузилась в мощный струйный оргазм. Она то улетала в космос, то возвращалась на землю. Сфинктер её судорожно сжимался и разжимался. Весёлый инструмент Ашота Абрамовича как будто бы сжимали и разжимали бегающие пальцы девичьей руки внутри своего тела. Он закричал, как тигр в начале погони за антилопой. Жаркое семя оросило лоно Светланы. Напор добровольца стал ослабевать. Но сжимающие и разжимающие движения внутренних мышц девчонки заставляли его много раз продолжать и продолжать возвратно-поступательные движения. Потом почти без сознания они лежали в постели.

Когда силы начали возвращаться, Ашот Абрамович, как настоящий джентльмен, поцеловал Светкину руку, извинился, что с первого раза не всё получилось по намеченному плану. Пообещал прийти ещё. Забрав недопитый коньяк и, галантно раскланявшись, ушёл. Света лежала, чувствуя себя опустошённой и униженной. Размер инструмента освободителя от девственности, к счастью, не был угрожающим. Больших проблем ей не доставил. Горело внизу живота и сзади, ноги не сдвигались. Но Светка вдруг начала ощущать себя счастливой. Она-то теперь покруче всех её подруг, которые ещё недавно насмехались над ней. Они со своими однокурсниками ещё ни разу не достигали оргазма. А она...

По окончании института она пойдёт работать в архив. А там будет Аркадий Васильевич. Такой долговязый ботаник в очках с толстенькими стёклами. Ах, какой у него будет инструмент! Скрипка, нет, нет... виолончель. Музыка любви заполнит сердце девчонки, но всё это будет потом.

Мелодия любви

Уже не очень молодой архивист Аркадий Васильевич был всегда ухоженным и опрятным. Он был на хорошем счету. Работу знал досконально. Нареканий от посетителей и клиентов архива не имел. На работу к нему нередко залетали почирикать красивые птички. Особенно частым гостем была Вика – длинноногая синеглазая блондинка. Она сверлила Аркадия влюблённым взглядом. Иногда они надолго уходили в хранилище документов. Возвращались уставшими и растрёпанными. Видимо, всё никак не могли найти необходимые материалы.

Однажды Света рылась на самых дальних стеллажах. Стоя на стремянке, она ворошила ещё не разобранные подборки старинных газет. Трусики она не надевала принципиально. Хотела привлечь внимание архивиста. Случай подвернулся...

– Аркадий Васильевич, можно вас попросить поддержать лестницу, она качается, и я боюсь упасть, – загадочным голосом произнесла Светлана.

Аркадий не спеша подошёл к стеллажам. Сначала он издали любовался открытыми для обзора прелестями Светланы. Потом подошёл поближе и взялся за холодный металлический каркас лестницы-стремянки. Зрелище, представшее перед его взором, мало соотносилось с содержанием архива. Представленный на обозрение документ был не стар и даже очень привлекателен. Очки архивиста начали запотевать. Светлана видела растерянность своего начальника и как бы невзначай покручивала своей аппетитной попой, играя мышцами ягодиц. У Аркадия Васильевича поехала крыша. Он говорил что-то, путаясь и заикаясь. Светка щебетала сверху. Они даже забыли про камеры видеонаблюдения, которые недавно были установлены в архиве. Бедные охранники, за что им такое испытание?

Вдоволь насладившись своим превосходством над ботаником, Светлана, взяв с собой какие-то документы, начала спускаться вниз.

– Светлана Ивановна, по-моему, вы забыли взять подшивку за 1897 год, – начал бормотать Аркадий Васильевич.

– Нет, что вы. Вот она со мной, – с предпоследней ступеньки начала вещать знойная девушка. – Правда, она свежее – с 1989 года.

Светлана распахнула свой халатик, надетый на обнажённое тело. Ботаник обомлел. Её великолепная грудь оказалась совсем рядом с его носом. Он стал жадно целовать её сосочки. Лицо его вспотело. Светке и самой стало жарко. Она скинула халат и стала судорожно расстёгивать одежды Аркадия Васильевича...

Ах, какой удивительной была его виолончель!.. Она играла то медленно, то ускоряя темп своих божественных мелодий. Звуки взлетали в поднебесье и падали вниз. Потом она, делая паузы, снова излучала потоки музыки. Архивист был в её жизни третьим сексуальным партнёром. Светка имела первый опыт с Ашотом Абрамовичем. Второй опыт сексуального общения состоялся с соседом Клименчуком Петром, но его инструмент был слишком слаб... А тут небесное наслаждение...

По желанию Светланы виолончель превращалась во флейту. Светлана перебирала пальчиками по стволу этой великолепной кожаной дуды. Её губы и язык бегали по мундштуку, ласкали волшебный инструмент. От этих сказочных манипуляций комнату заполняли мелодичные и чарующие звуки горного ручейка, пробивающегося сквозь валуны камнепада. Под эту сладострастную мелодию ботаник чувственно стонал и всхлипывал. Светлана опять ощутила всю свою власть, теперь уже не только над сознанием, но и над телом своего начальника.

Потом флейта по желанию Светки превращалась в своеобразный ёршик трубочиста для дымохода. Аркадий Васильевич им ловко управлялся. Его инструмент виртуозно погружался в лоно девушки и выныривал вновь из пламенного вулкана, который когда-то открыл для неё первый партнёр – Ашот Абрамович. От нетрадиционного проникновения Светлана сквозь боль ощущала какое-то загадочно яркое и всепоглощающее чувство восторга.

– Кончай туда, туда, мой милый, там, там... ой, от этого не забеременеешь, – дрожащим голосом шептала Светлана.

Прозвучал последний аккорд, и мелодия прервалась...

А там, в будке охранников, напряжение в электрической сети подскочило выше 220 вольт, мониторы начали моргать, и бедные старички так и не смогли досмотреть этот завораживающий фильм.

Потом шли унылые будни. Календарь переворачивал листы. Аркадий Васильевич перестал кокетничать с Викой. Глаза этой красавицы постепенно из сине-безоблачных станови-

лись лилово-грустными. Светка уже начала ощущать своё превосходство и над Викой. Но тяга к познанию нового в ней неугомонно росла, она познавала всё новые и новые инструменты утром, в обед и после работы. Её плотское удовлетворение реализовывалось в любую минуту по её, Светкиному, желанию. При отсутствии подходящего музыканта с Аркадием Васильевичем она всегда могла по-быстрому замутить на работе.

Она ещё не понимала тогда, что гиперсексуальность может растаять так же внезапно, как и пришла. А что останется? Останется опустошённость и приобретённые недуги. Хвори души и тела. Выходить замуж за него Аркадий Васильевич Светлану не звал, а ей уже пора. Архивист всей душой полюбил эту неугомонную девушку, он каждый день ждал интимной близости со Светой. Все другие женщины перестали для него существовать. А её это уже раздражало. Аркадий страдал и мучился, а Светке не было до этого дела. Быстрый перепих, хотя и яркий, на работе уже не приносил ей удовлетворения, сексуальная гиперактивность начала покидать её мысли и тело.

– Никакой тебе романтики, – заявляла Светлана.

Но по старой привычке иногда припадала к уже знакомому и ставшему родным инструменту. Конечно, ботаник может наизусть проникновенно читать стихи, но на хрен они нужны. От них денег-то не прибавится.

Однажды в архив приходит Вика. Аркадия вызвали в контору к начальству, Светлана одна осталась на хозяйстве. Вика это знала, она специально пришла, чтобы поговорить со Светланой. Вике хотелось, чтобы Светлана отвязалась от её Аркадия. Но разговор у них не получился. Разными интересами руководствовались девушки. Отказываться от Аркадия Васильевича Светлана не собиралась и порадовать Вика этим не могла. Она также не могла себе представить, что на её виолончели вдруг будет играть другая музыкантша. Архивист был для неё как бы дежурным сексуальным партнёром и начальником на работе одновременно. Что было удобно во всех отношениях. Вика же хотела выйти замуж за архивиста, но его голова, даже обе – верхняя и нижняя, были захвачены Светкой. Вика понимала, что это временное явление и оно пройдёт. Но ей хотелось, чтобы это случилось быстрее. Годы-то уходят, молодость не вечна.

Вот такая история получилась.

Бесстрашный ботаник

Похрустывали угасающие огоньки костра. Ночь уже охватила своими леденящими объятиями прибайкальский лес и нашу поляну. Казалось, что обалдевшая тишина жадно вслушивалась в наш разговор и никак не могла понять кипящих страстей и, по существу, горького одиночества героев прозвучавших откровений.

И вот она, тишина, ставит свой диагноз человеческим отношениям – разрушители.

Резким порывом ветра верхние ветки вековых сосен обрывает, закручивает и обрушивает на нашу поляну. Всё пространство вокруг нас становится в одно мгновение непроходимым буреломом. «Да, наломали мы дров», – подумал я.

– Одумайтесь, человеки, – кричит ветер.

– Давайте жить дружно, – вспоминаю я незамысловатые, но такие драгоценные слова мультяшного героя кота Леопольда.

А наш художник Леопольд подвёл итог разговора.

– Не, делать иллюстрации к этим рассказам я не смогу. Слишком откровенные они для меня.

Ветер прекратился. На небе мерцали звёзды. Они как бы подмигивали сидящим у погасшего костра мужикам, зовя их к познанию вселенских тайн. Но загадки Вселенной мало волновали собеседников. Они погрузились в земную грусть. Мужчины пытались осмыслить услы-

шанную информацию. Все долго молчали. Вдруг клубящуюся седыми кружевами дыма тишину разрезал хрипловатый голос Федотыча.

– Хотите, я вам расскажу, чем закончилась история Светланы и Аркадия Васильевича?

Все одобрительно молчали, и доктор начал грустное повествование. Федотыч продолжил свой рассказ.

– Я не хочу ранить ваше благопристойное видение мира и врывать в него со словесной порнографией. Но я расскажу всё, как оно было в действительности. Конечно же, со слов моей пациентки Светланы.

Итак, фестивальные приключения когда-то заканчиваются, и наступает развязка. Настигла она и Светлану. Светка банально забеременела. От кого – твёрдого ответа у неё не было. Поэтому решила Света попытать счастье, прощупать отношение к её деликатному положению у членов своего музыкального оркестра. А это отношение и у виртуозов, и у начинающих скрипачей было однозначно отрицательным.

В любовной симфонии прозвучал грубый финал. Последняя мужская ария звучала прозаично, все музыканты были солидарны: «Когда ты вступаешь в половую связь, должна была думать немного головой, а не промежностью, в части предохранения и безопасности. Решай свои проблемы сама. А у нас на подходе много молодых и ещё не обученных скрипачек и флейтисток. Так что катись куда подальше».

Другого ответа, в принципе, Светлана и не ожидала. Мужчины отнеслись к ней так же, как к ним относилась ранее она.

Аркадий Васильевич уже давно чувствовал, что его музыкальный инструмент используется в составе ансамбля. Хотя Светлана стремилась, чтобы не уязвлять самолюбие ботаника, скрывать свои похождения. Но обмануть опытного мужчину невозможно. От осознания этого у архивиста частенько начинало болеть сердце. Он начал носить с собой в кармане корвалол.

Услышав от Светланы новость, что тест и последующий визит в женскую консультацию, расположенную на улице Горького, подтвердили факт беременности, Аркадий Васильевич напряжённо молчал. Светлана предложила поехать на берег Байкала в Листвянку, чтобы на природе обсудить сложившуюся ситуацию. Аркадий Васильевич не прогнал девчонку, не отвернулся от неё. Более того, он сказал: «Ребёнок ни в чём не виноват. Родителей не выбирают. Хорошо бы порешать вопрос о жилье. Куда-то надо принести малыша из роддома. Ко мне в общагу не вариант».

Светкин папа, крутого нрава мужик, может выгнать из дома блудную дочь, нагулявшую «выблядка» (таким термином он называл внебрачных детей).

Вот они уселись в старенький запорожец. Это чудо советского автопрома ботаник купил по дешёвке, и с другом Андрюхой он его привёл в надлежащий вид. На удивление в нём оказалось достаточно места для комфортного расположения. Это значит, что не надо горбиться и скрючиваться. Ноги удачно расположились в отведённых для них нишах. На выезде из города по Байкальскому тракту сразу начинался красивый хвойный лес. Предстояло проехать 67 километров.

Светлана сняла свою футболку. Её обнажённые груди завораживающе подпрыгивали, когда машина вибрировала на неровностях дороги. Затем Светка стянула вниз свои спортивные брюки. Плавок она не носила, и её женская гордость оказалась на свободе. Откинувшись, насколько могли позволить габариты и механизм кресла, Светка начала мастурбировать.

Ботаник сбросил скорость, он ехал медленно и искоса подглядывал за действиями подруги. Светлана после своего бурного оргазма запустила руку в штаны Аркадия Васильевича и ухватила за гриф его скрипки. Из восьмушки скрипка быстро выросла до трёхчетвертной,

потом она стала превращаться в виолончель. Светлана высвободила инструмент из штанов на волю.

Потом стараниями Светланы виолончель превратилась в саксофон, и девушка принялась дудеть самозабвенно и с большим азартом.

Камазы и другие высокие машины, обгоняя запорожец, притормаживали, и в открытые окна из их кабин показывались оттопыренные вверх большие пальцы в знак приветствия архивиста. Голубые глаза ботаника округлились и стали размером как два блюдца. Его толстые очки многократно увеличили этот безумный взор. В наступающих сумерках для встречных машин представлялась ужасная картина. Казалось, что навстречу им летел не запорожец, а два огромных голубых шара. Как будто бы злое НЛО с пришельцами медленно скользило, занимая всё дорожное полотно. Они были вынуждены принимать вправо и останавливаться на обочине, чтобы пропустить надвигающуюся опасность.

Ночь на берегу Байкала в гостинице «У озера» прошла бурно. Наутро у архивиста созрел план, но о нём он говорить не стал. Он допускал, что ребёнок был его. Поэтому для ещё не родившегося существа он решил пойти на должностное преступление.

Когда вернулись в Иркутск, то в комнате общежития, которую занимал Аркадий, началась их недолгая семейная жизнь. Ночью Светка обнимала своего мужчину. Она нежно целовала Аркадия.

– Милый, Аркашенька, я так люблю тебя. Мне никто не нужен, только ты, только ты, мой дорогой, – шептала она.

Он единственный не отвернулся от неё, вошёл в её положение. Аркадий действительно вошёл и никак не мог остановиться. Кровать предательски скрипела. Комнату заполнили сладострастные звуки и стоны Светланы. Счастливый и утомлённый ботаник продолжал и всё никак не мог утомиться. Ему хотелось, чтобы это действие не кончалось никогда. Он наполнился восторгом близости, восторгом любви.

А за дверью стояла обескураженная соседка с нижнего этажа. Она долго терпела звуковую атаку, навалившуюся на неё в эту ночь. Стоя у двери, она прислушивалась, старалась уловить мотив этих завываний. Потом, не выдержав, она стала робко стучаться в дверь и приговаривать:

– Девушка, что с вами? Вам плохо? Сейчас я вызову скорую помощь.

Голос её звучал встревожено, в нём чувствовались забота и сострадание. Интонации его были чистыми и искренними.

Этот голос невольно помешал нашим бойцам сексуального фронта достичь очередного зенита в любовной битве. Они остановили свой межгалактический полёт, вернулись на брентную землю и начали прислушиваться к происходящему за дверью. Потом как давай ржать:

– Ой, милая, спасибо. Не надо нам скорой помощи. Нам очень хорошо. Мы сгораем от счастья и любви.

Бедная сердобольная соседка была сконфужена. Она не могла предположить, что акт любви из тихого и скрытного таинства может представлять собой целый спектакль и это действие может сопровождаться инструментальной музыкой очумевших от экстаза голосов, напевающих вопли страдания, недуга и восторга одновременно. Её личный и уже давний опыт интимного общения сводился к скоротечному любовному акту с крепко стиснутыми и сжатыми зубами, чтобы не проронить ни звука. Когда они занимались любовью с бывшим мужем, они не могли позволить себе никаких эмоций. В комнатухе бабушкиного старенького дома вместе с ними жили мама, бабушка, их с мужем маленький сыночек. Их нельзя было беспокоить ночью. Да и само занятие сексом воспринималось тогда как что-то неуместное и даже постыдное. Такие нравы были в те времена. Но народ вместе с ударным трудом за выполнение пятилетних планов родной партии и правительства СССР с не меньшим энтузиазмом занимался любовными утехами. Поэтому и выживали, не уронили уровень народонаселения.

Даже тост такой новогодний был, шуточный, конечно: «Чтобы елось и пилося, чтоб хотелось и моглось. Чтобы в нынешнем годе было с кем и было где. И успехов вам в труде».

Если в подавляющем большинстве все люди тихушничали, то тут – сплошное сумасшествие. Казалось, что женский голос за дверями то молил о пощаде у какого-то монстра, то кричал и требовал, чтобы тот не останавливался. Да, голова кругом...

«Какая же я дура, – думала она. – Ворвалась со своим стуком в чью-то атмосферу счастья».

Любопытство распирало уже немолодую женщину. Ей хотелось, чтобы дверь открылась и она бы наяву увидела этот спектакль любви с его актёрами. Но стыд поборол её чувства, и она направилась в свою комнату. И уже не смогла уснуть до самого утра. Её будоражили воспоминания о прошлой жизни, о её никчёмных любовниках, с которыми она не могла взойти на такую же вершину любви. Да она раньше и не подозревала, что такая вершина может вообще существовать. Думать об этом в водовороте жизни не приходилось. Детей в садик отвести, потом в школу, бегать по магазинам, готовить еду, убирать, стирать, гладить, ходить на работу, вечером в народную дружину. Откуда возьмутся мысли о сексе и о каких-то его вершинах?!

Спустя небольшой промежуток времени совместной жизни с Аркадием у Светланы началась рвота. Интоксикация при беременности обычное дело. Девушка взяла больничный лист и отлёживалась в комнате Аркадия Васильевича в общежитии. Архивист после рабочего дня, придя домой, ухаживал за Светой. Кормил её из ложечки. Готовил и кашеварил. Но однажды он не пришёл ночевать. Светлана запереживала. «Может, Вика его перехватила», – беспокойно думала она.

Но на следующий день пришёл Андрюха – друг Аркадия Васильевича. Он притащил полный полиэтиленовый пакет денег – три миллиона рублей.

– Аркадий просил его простить, а на эти деньги велел купить квартиру для Светы и их сына, – сказал парень.

Почему-то он решил, что должен обязательно родиться мальчик.

Суд был скорым. За хищение из государственного архива уникальных исторических реликвий, связанных с наследием Чингисхана, Аркадию Васильевичу дали шесть лет с отбыванием в колонии общего режима. Приходить в суд Светлане он не велел – волноваться беременной женщине нельзя. Светка простояла весь судебный процесс около Октябрьского суда.

И вот Светлана уже в новой квартире, своей квартире, которую ей подарил ценой своей свободы архивист Аркадий Васильевич.

У него тоже новая обстановка – на зоне в Тулунском районе. Это в четырёхстах километрах северо-западнее города Иркутска. Светка возила своему узнику передачи. Она понимала, что он был именно её узник, привязанный к ней всей своей душой. А зона – это только место временного пребывания его тела.

Дома она долго металась, думая о своей дальнейшей судьбе, ночами плакала в подушку. Но в итоге приняла решение и избавилась от своей нежелательной беременности.

Из женской больницы с улицы Горького на своём автомобиле её увёз бывший сосед – Петр Клименчук.

После того как Аркадий Васильевич узнал, что Светлана сделала аборт, он приказал ей больше не приезжать к нему в колонию.

Сексофилософопатолог

Все молчали, никто не мог проронить ни слова. Эти короткие рассказы Фомича, сексопатолога и психоаналитика, обрушили такой тяжёлый груз, груз чужих страданий и переживаний, что переварить всё это в одночасье было невозможно. Мы переживали за Аркадия. Понимали,

что Светлана, сделав аборт, поступила так от безысходности. Хотелось заплакать, но слёзы никак не находили своё русло. В горле стоял ком. Нарушил тишину всё тот же Федотыч.

– Вот ты, Леопольд, назвал мои, вернее Светкины, рассказы слишком откровенными. Я с уважением отношусь к твоим пуританским чувствам. Но чё ты тогда сидел здесь развесив уши? Режет слух – уйди и не слушай. Вот у меня на даче были соседи – староверы. Мы крепко дружили, была взаимопомощь и поддержка, – продолжал Фомич. – Они открывали для проветривания наши теплицы, поливали. У нас-то врачей свободного времени в обрез, на огородной фазенде бывали нечасто. Однажды моя жена Анна Петровна вышла в огород в открытом купальнике. Всё, писец – маленькая лисичка, дружба закончилась. Она-то не знала про их веру. А для них это оскорбительное и безнравственное одеяние. Конечно, многое в их вере можно уважать. Много там доброго, светлого и разумного. Так что же я теперь в тулупе должен по своей даче шастать? У них секс не для удовольствия, а только для продления рода. А хочется-то всегда. Вот они, видимо, одетые в телогрейки и совокупляются. Детей полон дом. Куда ты ни прячь сексуальное влечение, оно всё равно является основой жизни. Вот художник изображает на картине быстроногую лань. Красотища невероятная. Задумайтесь, куда она бежит? А бежит она к своему козлу, чтобы исполнить свою природную миссию – дать потомство, продолжить жизнь, – Федотыча понесло.

– Ты так всё на трахание перевести можешь, – пытаюсь возразить ему я. – Ведь есть же убеждённые девственники среди мужчин и женщин, которые категорически не принимают половую близость. Закатывать глаза и корчиться в оргазмических конвульсиях могут только идиоты – так считают они. Таких людей немало, и они объединяются в сообщества, общественные организации, наконец. А музыканты и композиторы – они из семи нот пишут такую палитру божественных звуков... А писатели и поэты – они из 33 букв создают волшебные шедевры, от которых может крыша поехать.

– Дурак ты, Алексеич, или прикидываешься, – прерывает меня психоаналитик. – Так вот – существует всего два природных явления, которые в народе, может быть не очень поэтично, обозначаются всего двумя словами, и это с разными вариациями слова: х@й и п@зда, – со сверкающим взглядом произносит Фомич. – Они дают продолжение жизни. Их взаимоотношения, которые ещё называют любовью, тревожат и волнуют всех. И все семь нот и 33 буквы алфавита воспевают и возносят эти отношения с древних времён! Так было и так будет всегда. Воспеваться будет жизнь и её продолжение. Извините, что выражаюсь грубовато. Достали вы меня. Противники секса – это в первую очередь сборище неудачников и слабаков. Будучи не в состоянии совершить полноценный половой акт, они пропагандируют фригидность и импотенцию. Козлы законченные. Скажи мне, дорогой друг, кто от таких придурков родится? Кто продолжит их род и их философию? А никто. Значит, это тупиковая ветвь гнилых червяков. Вот ты нарисовал красавицу горную лань, – опять Фомич обратился к Леопольду. – Ну и что, кто на неё будет смотреть в будущем – потомки, не родившиеся от противников секса, идиотов? Как ты себе это видишь? Ты, что при ярко выраженных мужских половых признаках, вступил в нейрогуморальное половое расстройство, которое обуславливается поражением диэнцефального отдела (субталамический нейрогуморальный центр) или отдельных желёз внутренней секреции (гипофиз, гонады, надпочечники и др.)? Может, вам рассказать ещё о половых извращениях? Например, апотемнофилия – желание или сексуальное возбуждение от ампутации здоровой части тела (конечностей, пальцев или гениталий) или частичного (полного) разрезания гениталий вдоль. Или гинофагия – сексуальное возбуждение от фантазий, связанных с приготовлением и поеданием женщин. Эпроктофилия – сексуальное возбуждение, вызванное испусканием кишечных газов (пукание). Может, ещё про зоофилов и некрофилов вам рассказать? Тогда рассказы Светланы о её сексуальных играх покажутся вам милой детской шалостью?

– Пошёл ты... со своей медицинской терминологией, умник хренов, – обрубил его я. – Каждому своё, кому-то нравится поп, кому-то попадья, кому-то попова дочка.

– Давай не будем больше обсуждать эту тему, – включился в разговор обиженный Леопольд.

– Вот, мужики, не взяли с собой достаточное количество водки, всю за один раз выжрали и чуть с похмелья не передрались, – резюмировал Михалыч. – Так бы давно уже песни пели...

На следующий день мальчишник разъехался по своим родным домам. Леопольд в своей мастерской принялся по полкам раскладывать этюды, которые он сделал на природе.

– Олеся, Олеся! – позвал художник свою жену. – А ты бы смогла голышом на стремянку, и положить мои рисунки на верхнюю полку?

– Леопольд, у тебя что, крышу снесло? – сердито сказала жена.

Потом она поглядела на мужа, на его грустные глаза, погладила кудрявые вихры своего художника и заулыбалась.

– Дурашка ты мой. Я уже совсем не та, какой была двадцать лет назад.

– А я тебя люблю такой, какая ты есть, и всегда любить буду, – задумчиво произнёс Леопольд.

Окончание истории Светланы и Аркадия

Шли годы. Мне вспомнился рассказ Фомича об откровениях Светланы. Мы встретились с сексопатологом в плавательном бассейне. Он изрядно полысел, но был по-прежнему подтянут и строен. Занятия спортом было его фишкой. Он нравился женщинам, и они легко вступали с ним в откровенный разговор. Профессия у него такая – быть психоаналитиком и привлекательным чувственным собеседником, умеющим направить мысли пациента в нужное для его собственного здоровья русло.

– Фомич, расскажи, как сложилась судьба Светланы и её ботаника-архивиста, – поинтересовался я в раздевалке, когда мы собирались уже уходить домой.

Фамилии пациентки я не знал, как и других идентификационных данных. Это врачебная тайна, да и имя девушки в своём рассказе Фомич изменил. Я это твёрдо знал.

Фомич на минуту задумался, потом неторопливо начал вспоминать детали.

– Алексеич, не беспокойся, у Светланы и Аркадия всё нормально.

Светлана рассказывала, что спустя некоторое время – год или два – она получила письмо из колонии. В нём Аркадий Васильевич поведал ей о своей жизни за решёткой.

По прибытии в колонию Аркадия направили работать в библиотеку. Он занимался реставрацией книг, подпиской газет и журналов. Вёл просветительскую работу среди эков. Устраивал литературные вечера. В колонии оказалось много талантов – поэтов, даже самодельных композиторов. Вот и появилась его стараниями художественная самодеятельность.

Заведующей библиотекой была дочь Кума, или Хозяина (так принято было называть полковника Зубова – начальника исправительного учреждения). Однажды она попросила ботаника поддержать лестницу-стремянку. Она от неустойчивости покачивалась, и Ольга, так звали его начальницу, боялась упасть. Надо было на верхних полках стеллажа разобрать подшивки газет. У Аркадия завибрировали ноги. До боли похожая сцена была когда-то прологом мелодии любви с его Светланой, которая осталась в родном Иркутске. Аркадий подошёл и взялся за холодные трубчатые основания лестницы. Сознание ботаника было замороженным и затуманенным. Оно как бы одной своей частью унеслось в прошлое, в котором он был счастлив, хотя и сильно страдал от переживаний и ревности. Другая часть его сознания осталась здесь, в библиотеке исправительной колонии.

Ольга полезла вверх. Она была одета в синие джинсы и кофточку-водолазку под горло, плотно закрывающую верхнюю часть её тела. Вверху, перебирая газеты, она что-то говорила,

но Аркадий её не слышал. От холодного металла стремянки на него полились тепло и боль воспоминаний. Воспоминаний о недавней жизни на свободе, о его Светлане. О его непутёвой любви, которая, ярко вспыхнув, довела его до колонии и умерла, оставив его одиноким и несчастным, с разбитым сердцем и перечёркнутой судьбой. Аркадий Васильевич вцепился в эту лестницу изо всех сил. Пальцы сводило от морозного каркаса стремянки. Её он недавно занёс в библиотеку, предварительно очистив от снега.

Сердце узника учащённо забилося, а острая боль недавней утраты ножом полосовала его душу. Яркие картины, вылезая перед ним из прошлого, корёжили его сознание, хлеща по лицу своей откровенной обнажённостью и сладостной распушенностью.

Тело Аркадия как бы парализовало. Он не мог даже шелохнуться. Уставившись в одну точку, ботаник смотрел будто бы сквозь стены здания библиотеки, сквозь колючую проволоку, сквозь ограждение колонии. Но не мог увидеть свой далёкий Иркутск, свою некогда любимую девушку Светлану. От нервного перенапряжения и бешеной тоски Аркадий горько заплакал, сжимая зубы. Руки его ещё крепче сдавливали студёный и равнодушный металл.

Ольга задала Аркадию Васильевичу несколько вопросов и, не услышав ответа, обеспокоилась. Девушка спустилась на предпоследнюю ступеньку и заглянула в глаза плачущему ботанику. Она успела хорошо изучить его голубой лучезарный взгляд, его открытую грустную улыбку. Но таким, как сейчас, она Аркадия ещё не видела. Отец говорил ей, что этот парень сидит не за корыстное преступление, что-то там не так. Не мог он украсть для себя, чистой души был этот человек. Кум был опытным психологом, он видел людей насквозь.

Ольга потянулась к Аркадию. Её нереализованное чувство молодой девушки к мужчине переполняло сознание. Отец безумно любил свою единственную дочь и не отпускал её ни на шаг от себя. Она так и моталась с ним от назначения к назначению по разным захолустным местам необъятных просторов Сибири.

– Что с вами, Аркадий Васильевич, дорогой мой? – шептала Ольга, неумело целуя своего подчинённого. – Хороший мой, чем я могу помочь тебе? – она не заметила, как перешла на «ты». – Я уже давно чувствую, что полюбила тебя. Я боялась своего чувства, гнала его от себя, – глаза Ольги наполнились слезами.

Аркадий обнял свою спасительницу, он что-то шептал и тоже целовал Ольгу.

– Как мне тяжело, как я устал от неволи и одиночества, – слезы ещё сильнее бежали из его глаз.

– Ты не одинок, мой милый, теперь я всегда буду рядом с тобой в радости и горе...

Они долго стояли, обнявшись, и плакали. Плакали не стесняясь друг друга. Ольга – от нежных чувств и сострадания к этому практически беззащитному мужчине. Аркадий – от нахлынувших на него смешанных чувств. С одной стороны, ему было жаль самого себя. С другой стороны, эта нежная девушка смогла согреть его обожжённую огнём и обмороженную душу. Она, как солнышко, неожиданно-негаданно вдруг засияла перед ним и уже навсегда вошла в его жизнь. На зоне, оказывается, тоже можно обрести счастье, даже если ты совсем потерял в него веру. Потом Кум оформил досрочное освобождение своего зятя по половинке. Ольга была без ума от счастья, она встретила своего любимого, самого дорогого и единственного. Пусть он долговяз и физически ослаб, но она сможет защитить его, своего ботаника, от любых невзгод.

Светлана тоже устроила свою жизнь, она встретила парня Евгения. Хоть и не было у них большой любви и страсти, но держались они друг друга. Время уходило, вот и надо было создавать семью. Может быть, такие союзы крепче тех, которые возникали в пылу страсти, да потом перегорали.

Сына своего Светлана назвала в честь отца – Иваном. Зеленоглазый мальчишка стал светофорчиком, который открыл для Светланы зелёный свет к счастью, материнскому счастью.

Муж часто уезжал на вахты, работал на севере нефтяником. Светка всё своё свободное время посвящала сыночку. Она души не чаяла в своём Иванушке.

– Мама, мамочка, я не хочу спать. На улице лето и солнышко ещё долго не будет ложиться спать, – голос Иванушки звучал звонко, как колокольчик. – Неужели ты не можешь понять такие простые вещи? – смеялся сыночек. – Люди должны вставать и ложиться спать вместе с солнышком.

Он своими маленькими ручонками обнимал маму за шею и прижимался к её груди. Ни один мужчина не мог доставить ей столько счастья, Светлана вся сияла. «Какой же умный у меня сын. Какой он ласковый и нежный», – думала она.

– А вот и нет. Я могу возразить тебе, мой любимый мальчик, – начала ласково говорить сыну Светлана. – Когда солнышко будет спать, зазвенит будильник. Мы с тобой проснёмся и поедem в аэропорт. Наш папа в четыре часа утра прилетает из длительной командировки, дома его не было почти полгода. Он не хотел, чтобы я тебя, сыночек, беспокоила и брала с собой в аэропорт. Он очень сильно любит тебя. А мы порадуем папочку и вместе с тобой будем его встречать. Ты у нас сильный, сильнее солнышка. Ты можешь встать, когда это необходимо, а солнышко нет.

– Ура! Ура! Ура! – Иван радостно кричал и скакал на пружинящем матрасе родительской кровати.

Светлана молча, с огромной любовью смотрела на своего сына, из глаз её текли слёзы, слёзы радости и умиления.

– Мама, почему ты плачешь?

– От радости, сынок, я так долго тебя ждала, теперь ты у меня есть. – И Светлана крепко обняла своего самого главного маленького мужчину. В ответ он сильно прижался к своей самой любимой женщине – к маме. От материнского тепла Ивана быстро разморило, и он погрузился в сладкий детский сон.

Фомич продолжил свой рассказ.

– Говорила Светлана, что ещё ждёт дочку, но это я уже плохо помню. В моих пациентах она уже давно не числится. Мне радостно, что мои усилия врача дали результат. Жизнь у девчонки наладилась, – дружелюбно звучал голос моего приятеля Фомича.

Я молчал, на моих глазах невольно навернулись слезы. Светлая грусть заполнила моё сознание. Растроганный, я молча сел в машину и направился к себе домой.

Голубоглазая блондинка

Иркутская осень. Порывы ветра ударялись о стены моего деревянного дома, который расположен на улице Коммунистической, почти в центре нашего областного города. Их воздушные потоки начинали плясать вокруг понурого клёна. Его ветки в ответ дребезжали и вибрировали, как струны контрабаса под опытными руками музыканта. Извлекаемые волшебным образом из ствола дерева низкочастотные звуки придавали округе тревожность и безысходность в ожидании тепла.

Все, что ещё недавно цвело и зеленело, должно умереть или уснуть на долгие зимние дни, недели и месяцы. Дряхлая старуха зима своими костлявыми руками будто бы набрасывала паутину на ещё живые существа и озябшие растения. Обрекала их уйти в небытие с этого света, ещё недавно сверкавшего переливами радуги, пением птичьих голосов и звоном, казалось бы, неиссякаемой жизненной энергии. Природа пыталась бороться, цепляясь за уходящее лето. Но ветер срывал и уносил вдаль остатки пожелтевших листьев. Он не оставлял надежды на скорое возвращение знойных солнечных дней. Времена года меняются, как это было всегда. Растительность начинала погружаться в зимнюю спячку. Угрюмые чёрные тучи нависали над городом. Они изредка выбрасывали вниз леденящие потоки дождя, готовясь обрушить вниз

всю массу своих холодных запасов влаги. А промозглые северные ветры стремились налететь на тяжёлые, пузатые облака, чтобы превратить содержащуюся в них воду в хрустальные пластинки снежинок. Чтобы забросить этот белый хоровод на деревья, дома, улицы и площади старого города, который знаком с этими природными явлениями вот уже более 350 лет.

Я вышел из машины. Боковым зрением ощутил чей-то пронзительный взгляд. Это взор как будто бы из другого мира, холодного и голодного, где не хватает радости и ласки. Где нет тепла и заботы, где страх и боль – обычные и обыденные явления.

Я присмотрелся. На тротуаре сидела кошка.

Видно, что она от природы имела чисто белый окрас. Но сейчас он выглядит сероватым. Она изрядно запачкалась, бегая по подворотням в поисках пропитания. А какие у неё глаза! Это два голубых небесных светильника, два драгоценных сапфира, по чьей-то воле оказавшиеся выброшенными на улицу.

Я направился к моей незнакомке.

«Что это за человек? – подумала кошка. – Что ожидать от него? Может, он сейчас пнёт меня ногой, как это уже было не раз при общении с другими людьми? Как страшно. Он такой большой. И куртка у него кожаная. Ой, а ботинки с такой рифлёной подошвой. Наверное, надо спастись бегством», – подумала голубоглазая блондинка.

Вот она уже приготовилась к спасительному прыжку в сторону кустов. Но лютый голод её остановил. Так хотелось кушать. Сил уже почти не оставалась, и кошка, наверное, решила: «Будь что будет. Если суждено умереть, пусть я умру сейчас, не дожидаясь холодов и снежных сугробов».

– Кис-кис-кис, – зазвучал спокойный голос незнакомца, он с нотками сострадания, и в нём улавливались ласковые оттенки.

Блондинка замерла на мгновение. Она не могла убежать. Она находилась в плену этого голоса. Она с надеждой стала ожидать развития событий. «Неужели ещё есть добрые и отзывчивые люди», – думала продрогшая кошка.

– Ах ты, красавица, замёрзла, наверное, на холодном асфальте не очень-то уютно. Какая ты худая, и бока у тебя ввалились, – говорил обладатель зловещей кожаной куртки и доброго голоса.

– Да, тебе бы мои заботы и переживания, – как бы произнесла кошка. – Я ничего не ела несколько дней. Попались тут две обессилившие мышки, но они были отравлены. Люди их не любят, вот и набросали в своих жилищах ядовитую приманку. Возвратившись по подземным коридорам, которые ещё их далёкие предки возвели для сообщения улицы с домами, мышки натолкнулись на приманку. Неопытные, они не знали, что подобное пиршество халявным кормом опасно для жизни. Человек коварен и опасен. Он сам выбирает, с кем ему жить, а от кого можно избавиться, убить, как этих мышей, или выбросить на улицу, как эту кошку. Я не стала есть этих мышей. Я знаю, что это смертельно опасно, – как бы говорила мне моя собеседница.

– Посиди здесь, я принесу тебе покушать, – как можно ласковей произнёс я.

Голубоглазая блондинка запрыгнула на завалинку. В её огромных грустных глазах пробежали солнечные искорки. В этой сумрачной окружающей среде при мерзкой пасмурной погоде они были всплесками космической энергии надежды и ожидания добра.

Я проследовал в дом и направился к мискам для животных.

У нас жили две породистые собаки и две уличные кошки.

Одну кошку подобрала Оля – моя дочь, а вторую притащил Лёша – мой внук. Животные были окружены вниманием и заботой. Наверное, для них была устроена райская жизнь. В мисках лежали кусочки мяса и гарнир из гречневой крупы и ещё какие-то лакомства, приобретенные в специальном магазине. По всей вероятности, они лежали давненько. Наверное, с самого утра после перекуса наши шерстяные человечки про них забыли. Кушанье начинало

немного подсыхать. Я собрал всё в одну тарелку и вынес на улицу. Даже не дал себя поцеловать ожидавшим ласки нашим пуделихам: серебристой Стеше и блондинке Соне.

Голубоглазая незнакомка ждала меня на прежнем месте. Она сразу почувствовала запах съедобного продукта. Хвост трубой, и мягкой походкой она подошла ко мне. Глаза смотрели заинтересовано. Но она не спешила. Инстинкт самосохранения заставлял её находиться в настороженном состоянии. Потом послышалось мяуканье: «Ну, давай, ставь скорее еду, я не могу больше ждать. Так вкусно пахнет. Сколько различных вкусовых оттенков излучает эта тарелка. Неужели это всё мне?»

– Кушай, красавица, это тебе, конечно, тебе. Рядом нет никого из возможных конкурентов. Ты можешь не торопиться. Кушай, красавица, – тихо говорил я.

Глаза у блондинки засветились, она принялась уплетать вкусности. Она то торопилась, то чуть приостанавливалась, тщательно пережёвывая кусочки пищи. Поднимала свой взгляд на меня. В нём читалась благодарность ко мне – вновь приобретённому другу. Когда пиршество закончилось, я взял голубоглазую блондинку на руки.

– Если хочешь, переходи ко мне жить, – предложил я уже ставшей мне подругой блондинке.

В ответ она громко замурлыкала. Стала прищуривать глаза. «Настоящая кокетливая женщина, – подумал я. – Как же интересно, женская мягкость и какой-то непостижимый женский дух присущ всему женскому».

Блондинка пригласилась и начала засыпать на моих руках. Мне надо идти. Я поставил кошку обратно на завалинку. И вновь предложил идти за собой. Она внимательно выслушала, потом мяукнула. Видно, поблагодарила и попрощалась. Затем спрыгнула на асфальт и пошла, покачивая бёдрами, к себе. Наверное, у неё был свой дом, пусть с не очень заботливыми хозяевами, но это был её родной дом. Она, как и те женщины, которые были верны своему дому, не променяла своих хозяев на сытную жизнь.

А может быть, я был не очень настойчив, не знаю.

4. Истории про Фёдора

Девичий разговор

Татьяна Голубева вместе с другими молодыми преподавательницами нархоза на институтской турбазе парились в бане. Татьяна стояла в клубах знойного пара. Его языки вихрились, как будто бы изголодавшиеся по женскому телу руки мужчин, ласкали её упругое тело, скользили по бёдрам, по большой, торчащей вверх сосочками груди, вились между ног. Татьяна со всего маха ударяла себя распаренным берёзовым веником. Грудь от ударов завораживающе колыхалась. Струйки воды вместе с потом сбегали вниз, попутно облизывая лепесточки её разгорячённых нижних губ и выпиравший ниже холмика лобок возбуждённый клитор. Молодая женщина легко постанывала, закусив нижнюю губу. Возбуждаться было от чего.

Лида, её подруга, работавшая диспетчером, открыла только что перед девчонками картину своего секса с любимым мужчиной. После раннего брака и развода у Лиды осталось две дочери. Денег не хватало. Где-то преподаватели подбрасывали премии за удачное для них расписание занятий, где-то нерадивые студенты благодарили за предоставленные зачёты и экзамены. Но главной финансовой надеждой для Лиды был любовник – Николай Цементенко.

Об их сексе она и вещала любопытным подругам.

– Я целовала Николая, держась рукой за его дружочка, но он никак не вставал. Я опустилась ниже, направила его мальчика себе в ротик. Начала оближивать, как эскимо, посасывать, как леденец-петушок на палочке. Он начал расти, увеличиваться и увеличиваться. Ох, каким он стал большим.

– Неужели больше, чем обычно? – обалдевали слушательницы.

Видеомагнитофонов тогда ещё не было, эротических и порнофильмов тоже.

– Ой, Лидка, рассказывай, рассказывай, – загалдели подружки.

– А вы, девки, не перебивайте, как интересно...

– Я не знаю, больше или нет, но торчал он как свеча, – Лида продолжила свой рассказ.

– А что потом-то, что? Говори, не томи душу.

– А потом он как стрельнёт мне сметанкой прямо в ротик. Я чуть не подавилась от неожиданности.

– Ой, ой... – затаив дыхание, запричитали девчонки. – Дальше, дальше говори...

– Эта свечка вдруг резко сдулась, превратившись в висячую тряпочку...

– А сметанка на вкус какая? А тряпочка совсем отвисла с концами, что ли? – наперебой стали спрашивать девчонки.

– Сметанка приятная, немного напоминает вкус крахмала. Но я же не отгрызла, тряпочкой просто стал его дружок, от усталости, наверное. Я его потом минут через двадцать поцеловала, он опять принял эрегированное состояние. Прикол-то в чём: была висюлька – стала свечка, потом свечка стала тряпочкой, потом тряпочка – опять свечкой. А я властелина члена и всего моего Николашки, получается.

Когда Татьяна с Лидой остались наедине, Таня рассказала, какой дружок у её Фёдора.

– Федя предложил мне поцеловать свой аппарат. Я поднесла его к лицу и просто обалдела – такой набалдашник на половину моей головы.

– Танька, а давай вместе попробуем его в тряпочку превратить!

– Давай, Лида, думаю, Фёдор не откажется.

И вот уже две девчонки-проказницы стремятся укротить аппарат молодого мужчины. Обцеловали, облизали, обсосали и обдрочили руками, а он никак в тряпочку не хочет превращаться.

– Лидка, ты неправильно делаешь. Вот смотри, берёшь этот баклажанчик у самого основания. Пальчики зажимаешь в колечко. Ласкаешь его губками, язычком, ротиком туда-сюда. А пальчики либо плотно сжимаешь, либо чуть отпускаешь. А ещё пальчиками другой руки пробегаешь по нему, как по дудочке, нажимая ими, как это делает музыкантша-флейтистка. Этим ты как бы регулируешь его возбуждение, его напряжение и соответственно размер. Вот посмотри, как я это делаю, – Татьяна принялась раскрывать секреты своего музыкального искусства.

– Готовишь, значит, его для дальнейшего своего желания. Или ручками заставишь его отстреляться тёплой сметанкой. Или, подготовив до нужной кондиции, можешь на него усесться.

Фёдор обомлел. Он наслаждался любознательностью и открытостью девчонок, отсутствием у них стеснения и других комплексов.

– Да, я, Танька, в музыкальной школе не училась. На фортепьяно, правда, маленько музицировать умею. Ну, дай теперь я попробую. Чё ты всё сама, да сама. Я тоже хочу.

Так они музицировали долго, пока парню не надоело. Тогда Фёдор поставил девчонок рачком и начал поочерёдно входить в их горящие страстью лона. Девчонки стонали, плакали от восторга и лёгкой боли. Потом одна прижималась сосочками к спине бойца сексуального фронта, стараясь ухватиться по инструкции за основание члена, пока он утюжил подругу. Затем девчонки менялись местами. Перепробовали все возможные позы. Когда сексуальные фантазии начали иссякать, Фёдор заревел, как будто бы ему в спортивном зале на ногу уронили стокилограммовую штангу. Он вытащил своего дружка из жаркого вулкана, и девчонки принялись поглощать извержение с аппарата и половых губ друг друга.

Сколько раз девчонки достигали оргазма, они уже не считали. Но аппарат хоть и обмяк, но в тряпочку превращаться не хотел. Немного полежав без сознания, Татьяна снова принялась своим ротиком веселить аппарат Фёдора. Постепенно он крепчал и уже принял угрожающий вид. Лида заморожено смотрела, а потом отодвинула Татьяну и уселась на этот жаркий и сладострастный предмет. Она скакала, размахивая руками, как будто революционная конница комдива Чапаева гнала белогвардейцев с поля боя.

А Татьяна горько плакала на кухне, причитая:

– Я поставила, привела его в рабочие состояния. А эта Лидка, нахалка, уселась и поехала. Окончив скачки с Лидой, Фёдор подошёл к Татьяне, нежно поцеловал её и ласково сказал:

– Танечка, милая, глупенькое ты моё солнышко, не плачь, родная. Всем хватит, не беспокойся.

Таня прижалась к своему любимому:

– Феденька, Феденька, дорогой, я только похвастаться хотела перед подругой, какое большое достоинство мне подвалило. Но отдавать в руки другой женщине своего любовника я не желаю.

Татьяна всхлипывала, слёзы ручьём бежали по её лицу, падали на грудь, потом текли вниз и облизывали разбухшие лепесточки нижних губ и её перевозбуждённый клитор.

«Не, Лиду больше звать не буду. Мы лучше потом с Наташкой попробуем Фёдора замучить сексом, горячим и необузданным. Я с ней завтра договорюсь», – про себя думала Татьяна.

Волшебник и волшебство

В город Братск, где работал Фёдор, привезли волшебника.

Экстрасенс вызвался лечить и показывать чудеса в северном городе. Фёдор возил начальника строительства, а тут у него в пассажирах гость из Америки. Правда, уроженец Узбекистана.

Виктор – референт начальника – во время движения Волги вдруг обращается к Ибрагиму, так звали экстрасенса:

– А вы можете на ходу заглушить мотор автомобиля?

– Могу, я всё могу, – произнёс Ибрагим, посмотрев на него.

Потом он напрягся и побагровел. Федор подумал: «Сейчас как бзданёт, всю машину говном забрызжет, а мне убирайся, блин, потом». Но волшебник пердеть не стал, он злобно произнёс фразу:

– Ай, ай, ай. Готово, шайтан.

И мотор заглох. Сорокаградусный мороз. Мы стоим на эстакаде через Братскую ГЭС. Клубы зловещего тумана наползают с водной глади Ангары. Река, наверное, тоже рассердилась на людей. Фёдор вышел из кабины, открыл капот, проверил провода на трамблёре, свечах зажигания – всё в норме, повреждений нет. Датчик топлива показывает полный бак. Что могло произойти, понять сложно. Чудо какое-то.

– Ха-ха-ха, – начал весело смеяться Ибрагим. – Заводи, поехали, всё будет нормально, я снимаю заклинание.

Машина завелась с полуоборота. Всю дорогу ехали молча.

В конторе началось представление. Начальник позвал свою жену, та показала Ибрагиму фотографию брата и попросила рассказать о его судьбе. Эта тема была для неё очень болезненной.

– Твой брат мёртв. Он утонул на реке Амур при следующих обстоятельствах, – Экстрасенс подробно рассказал хронологию событий. – Второй, кто был в лодке, выжил. А вот с берега происшествие видел человек, выглядел он так-то...

Вся информация сходилась на 100%. Мария Ивановна – жена шефа – от нахлынувших чувств свалилась в обморок. Когда её откачали и увели, начальник попросил обследовать его шофёра. Фёдор встал к приставному столику напротив Ибрагима. Волшебник стал сканировать пациента, приподняв ладонь. Потом говорит:

– Я не могу, мне мешает большая связка ключей, убери её, Фёдор.

Фёдор обалдел: «Как это он узнал о ключах?» Потом повиновался, исполнил требование экстрасенса и выложил ключи на стол и стал ожидать продолжения. Экстрасенс далее произнёс:

– Я прошу всех выйти из кабинета, буду с парнем говорить один на один.

Когда все вышли, последовал диагноз:

– Ты умрёшь, через три года и три месяца, хотя ты физически здоров.

Ибрагим говорил, а из его глаз начинали сыпаться искры. Искры как у бенгальского огня. Только его искры были холодными. Они падали на стол шефа, рассыпались по поверхности, но бумаги и документы оставались лежать нетронутые этим зловещим адским огнём и не воспламенялись.

– У тебя я ощущаю огромную мужскую силу, ты очень крепок, – грустно продолжил волшебник.

– А если я женюсь, я успею родить сына? – тревожно, с нотками безысходности начал лепетать Фёдор.

– Всё во власти Божьей, – произнёс экстрасенс...

Вчера Фёдору принесли повестку из военкомата на военные сборы. Прибыть к 6 часам утра, с собой иметь... далее по списку.

– Хоть не убьют на сборах, не подорвусь на mine, – с горечью думал Фёдор (он был сапёром).

Он позвонил подруге Ирине Ивановой, у неё был конфликт с мужем. Жили шесть лет, а детей не было. Брак разваливался, отношения на грани развода. Фёдору нравилась фигурка этой девчонки. Высокая, большая грудь. Осиная талия, попка как репка, соблазнительная до не могу. Глаза карие, озорные. Голос обволакивающий, томный и нежный.

– Ирка, давай я тебе заделаю ребёночка. Хоть смысл в жизни у тебя будет, – говорил в телефон приговорённый к скорому окончанию жизни парень.

– Я согласна, Феденька, приходи сегодня ночевать. Мой в ночную смену будет на БЛПК (Братском лесопромышленном комплексе).

Вечером Фёдор пошёл бухнуть в местный ресторан. Горевал о своей короткой жизни, которая должна была оборваться в 29 лет. Немного всплакнул. Событийников не было, вот и напивался он один на один со своей тоской. Когда Фёдор уже был изрядно пьян, к нему за столик подсел Ибрагим.

Потом Фёдор пришёл в себя в постели. Его член был вставлен в тёплое, ритмично сокращающееся отверстие. Чья-то задница описывала кренделя, извиваясь, будучи насаженной на солидный шампур Фёдора, как кусок мяса на мангале при готовке шашлыка. Вдруг на Федю налетел ураган, его начало трясти, мощный оргазм вырубил сознание парня.

Когда Фёдор очнулся, он встал и на ощупь в темноте начал искать туалет. Наконец дверь сортира нащупана, и она открылась. О Боже, Фёдор видит, как стоящий у зеркала Ибрагим дрожит своей небольшого размера член. В унитазе плавают какашки, которые никак не хотели смыться. Вот Ибрагима настигает оргазм, на головке его члена начинают проступать капельки спермы. Только тогда Фёдор врубился, в какую историю он угодил по пьянке. Ибрагим начал приставать к нему, лез целоваться. Небритые щёки волшебника кололись, Фёдору хотелось плевать. Он не осуждал гомосексуалистов, никогда не насмехался над нетрадиционной ориентацией. Но ему вдоволь хватало баб. Они как мотыльки на свет лампочки слетались к его члену. Хвастались одна перед другой, и от этого армия его почитательниц только росла. А тут такой конфуз. «Хорошо, что хоть самого в жопу не поймали», – подумал Фёдор.

– Ибрагим, ты меня пойми правильно, это произошло случайно, я такой хернёй не занимаюсь. Не понимаю и не вижу в таком сексе применение своих сил. Я люблю женщин. Нет, я их просто обожаю. Извини, дорогой волшебник, мне надо уходить. Об этом приключении я никому рассказывать не буду. Прощай, наверное, ты ещё найдёшь себе любимого.

Грубить волшебнику было опасно и страшно.

На глазах Ибрагима навернулись слёзы, он пытался засунуть в карман Фёдора пачку денежных купюр. Но наш герой отказался и ушёл в темноту спящего города.

Ирина все глаза проглядела у окна, ожидая любимого. Фёдор от нервного потрясения уже отрезвел, но на душе его было хреново, как будто бы в грязь окунулся с головой. Потом Ирина, купая Фёдора в ванне после ярких любовных утех, любовалась его богатырским телом. Как вдруг со скрипом отворилась дверь квартиры. Внезапно пришёл муж, оказалось, его тоже вызвали по тревоге в военкомат на военные сборы.

«Наверное, волшебник просчитался, придётся погибнуть раньше. Может быть, это он своим колдовством устроил приход мужа Ирины?» – подумал наш герой-любownik.

Но в эту ночь опасность миновала Фёдора. Гроза прошла стороной.

Фёдор не рассказывал эту историю никому и никогда. Боялся кары от экстрасенса. Мне он поведал свою тайну спустя 25 лет.

Бегство в Усть-Илимск

Колёса поезда перестукивали на стыках рельс. Поезд вёз партизан на военные сборы в Читинскую область. Заместитель военного комиссара подполковник Бородин обходил вагоны с проверкой личного состава военнообязанных запаса. Где-то бухали, пели песни. Где-то уже спали. Парней вырвали по тревоге с ночных смен на производстве, вот и наслаждались они сладким сном под монотонный стук колёс. В одном купе опытный взгляд подполковника остановился на здоровенном парне. Тот увлечённо напильником правил лезвие огромного охотничьего ножа.

– Замочу Федьку, сучару, чтобы он, гадёныш, не лазил под одеяло к чужим жёнам, – бубнил себе под нос подвыпивший амбал.

Бородин всё понял. Вернувшись в штабной вагон, он начал судорожно листать список лиц, призванных на военные сборы. Там был только один Фёдор – Фёдор Еремеев. Адьютант быстро доставил потенциальную жертву на разговор с подполковником.

– Фёдор, ты знаешь, что тебе угрожает потенциальная расправа, и довольно жестокая? – начал разговор опытный военный офицер.

– Да, могу предположить такое, – Фёдор не стал запыряться.

Он рассказал Дмитрию Яковлевичу Бородину как на духу – как отцу, как старшему товарищу – всю свою историю. Фёдор был безгранично удивлён и благодарен этому седому лысеющему офицеру за проявленное внимание и заботу. Никто никогда не интересовался жизнью бывшего детдомовца Фёдора. А тут...

На станции Тайшет Бородин высадил Фёдора из поезда, вручив ему пакет с донесением для Братского городского военкома. Наверное, это было придуманное подполковником основание для возвращения героя-любownika в родной город. Но так или иначе, опасность Фёдора и на этот раз миновала. После очередной бурной ночи с красавицей Ириной Фёдор собрал рюкзак и без объяснения причин написал на работе заявление об увольнении.

На трассе в Усть-Илимск его сразу подхватили знакомые шофёры. Шофёрская дружба – это особая категория. Взаимовыручка здесь возведена в категорию жизненной необходимости, как кислород для живого организма. А иначе и быть не могло. Попробуй сломайся на северной трассе. Если тебе не помогут, проедут мимо – кранты. За ночь на лютом морозе завернёшь ласты. В такой ситуации может оказаться любой водитель, вот и логика проста: стоит машина – подойди, спроси, нужна ли помощь.

За разговорами 250 километров пролетели незаметно. На горизонте показался юный город. Усть-Илимск на одной широте с Ленинградом, в нём тоже белые ночи бывают. И в этот раз была белая ночь, было светло как днём, хоть и время уже первый час ночи. «Как здесь здорово», – подумал Фёдор.

В отделе кадров «Братскгэсстроя» ему дали направление в комсомольско-молодёжную бригаду водителей тяжёловозных КраЗов к Леониду Карнаухову. Лёнька, улыбочивый парень, посадил Фёдора на новенький КраЗ, и понеслось соревнование с водителями болгарского молодёжного отряда имени Георгия Димитрова на строительстве Усть-Илимского лесопромышленного комплекса. Но проработал он там недолго. Вызвали Фёдора в контору «АТУ-8» и дали направление в пассажирскую автоколонну, там нужны были опытные «членовозы» – персональные водители членов руководящего состава. Но подписание обходного листа застопорилось на комсомольской организации. Недавно сам второй секретарь горкома комсомола Володя Исаков проводил проверку первичной комсомольской организации. Секретари горкома были в авторитете у молодёжи. Они могли выслушать, помочь, повести за собой, но могли и отодрать по полной программе за нерадивость и упущения в комсомольской работе. Вот и отодрали Маринку, комсомольского секретаря автотранспортного управления, за провал в сборе комсомольских взносов. Отсюда и строгости при увольнении.

Вечером с комсомольским билетом и обходным листом, с денежками на комсомольские взносы – аж 75 рублей (зарплаты были хорошими) Фёдор поплёлся в болгарскую общагу, там жила секретарь. Маринка была дома. Она приехала из Украины, родом была оттуда. От неё исходил запах свежее испечённого хлеба. И сама она была как сдобная булочка. Ладно сложена, с красивой фигурой. Длинные русые волосы спадали ей на плечи. Голубые глаза пытливо осматривали Фёдора. Парень протянул секретарю денежки, комсомольский билет и обходной лист (его ещё называли «бегунком»). Марина сверилась с данными из бухгалтерской справки. Забрала деньги, отдав сдачу 23 копейки, и поставила свой штамп в бегунок и комсомольский билет. Фёдору почему-то уходить не хотелось, и он завёл с секретарём философский разговор.

– Понимаешь, Марина, в нашем молодёжном городе самая высокая в мире рождаемость. Все дворы заставлены детскими колясками. А вот многие и не представляют себе, что при зачатии ребёнка во время оргазма вибрации этого самого возвышенного чувства летят в далёкий космос. Там на краю Вселенной они вызывают энергетическую бурю, мощный взрыв. В результате которого раскручиваясь в термоядерном вихре, возникает новая материя, из которой зарождается новая галактика. Люди, заканчивая свою земную жизнь, могут улетать в свою галактику. А ещё эти галактики могут сливаться, соединяться. Короче, вы с любимым можете слиться своими галактиками и жить вечно в любви и радости вдвоём. Люди этого не знают, а тупорылые учёные ещё не додумались до такого и не открыли этих законов сохранения любви и интеллекта, – Фёдор говорил тихо, его завораживающая интонация вибрировала бархатной энергией, заполняя комнату Марины сказочным теплом.

– Нет у меня никакого любимого, – печально сказала Марина.

Она внимательно слушала Фёдора, и её глаза начали наполняться слезами.

Любовь и зарождение новой галактики

– Как красиво и загадочно ты говоришь, Фёдор. Тебе, наверное, надо быть писателем или поэтом, а ты крутишь баранку, – романтической интонацией разорвала затянувшуюся паузу Марина.

– Поздно мне уже переквалифицироваться, – угрюмо парировал Фёдор.

– Как же поздно-то, тебе только 26 лет, жизнь начинает расцветать, – изумилась ответу парня Марина. – В твоём возрасте Лермонтов и Пушкин уже написали свои бессмертные произведения. А тебе, может, предстоит это сделать. Что за пессимизм, Фёдор? – Марина недоумевала.

– Понимаешь, Марина, мне осталось жить всего два года и восемь месяцев, – голос парня звучал безнадёгой.

Опережая очередной вопрос Марины, Фёдор пояснил:

– Экстрасенс-волшебник так предсказал мою судьбу. А он никогда не ошибается, я это точно знаю. Проверено на людях.

Установилась звенящая пауза. «Как такое может быть, за что?» – думала Марина.

Потом Марина разрыдалась, она не могла представить себе этого парня мёртвым. Фёдор подсел к ней на кровать и начал успокаивать девушку. Он гладил её выющиеся волосы, спадающие на плечи. Потом он обнял Марину и прижался к ней. Фёдор впервые почувствовал как бы материнское тепло, исходящее из сострадающего ему сердца Марины. Такого искреннего, такого близкого и родного. Марина продолжала плакать. Захваченный этой волной страдания и сострадания Фёдор тоже прослезился. Потом они не заметили сами, как начали целоваться, говоря друг другу нежные и проникновенные слова, жарко перебивая друг друга.

Потом Марина сбросила с себя халатик, и взору Фёдора представилось её красивое тело. Он смотрел на свою новую подругу и не мог налюбоваться. Вдруг Марина вскинула голову назад, чтобы освободить свой взор от спадающих на лицо русых прядей волос. Волосы полетели назад. А её полная жизненных сил, упругая, как мяч, большая грудь метнулась вслед за движением головы девушки. Потом, как маятник, грудь качнулась в обратном направлении, немного колыхнулась и замерла. Упругая волна пробежала по телу девушки. Фёдор был очарован, он не мог произнести ни слова. Потом, очухавшись как от наваждения, он дрожащим голосом произнёс:

– Мариночка, шевельни ещё вверх своим плечиком.

Марина озорно засмеялась и резко подняла вверх правое плечо, потом левое.

– Смотри, Фёдор. Любуйся. Я сегодня твоя. Только ты не уходи, не умирай. Смотри, милый. Жизнь прекрасна, мы будем жить вечно.

Её высокие груди скользнули одна за другой вверх. Потом их масса вернулась вниз. Несколько мелких, завораживающих колебаний – и они застыли в трепетном ожидании поцелуев.

Фёдор нежно целовал розовые соски. Ласкал своими крепкими руками тело Марины. Его ладони скользили от груди к спине. Бежали вниз к талии, описывали дуги по бёдрам дрожащей в экстазе девушки. Потом они прогуливались, лаская спину Маринки. Кожа девушки от чувственного восторга покрывалась мелкими пупырышками, становилась наподобие гусиной. Затем руки Фёдора перемещались вниз к промежности, его пальчики были как бы смычками волшебной скрипки, то они сжимали клапаны сказочного духового инструмента, то бегали по клавишам чувственного органа. Симфония любви захватила молодых людей. Они не могли оторваться друг от друга.

Марина тонула в волнах оргазма от одних только восхитительных прикосновений. Вдруг на секунду она вынырнула из сладострастной пучины, чтобы глотнуть живительного воздуха, и томно начала шептать:

– Федя, Феденька, родной мой, давай создадим свою галактику. Пусть далёкий космос встряхнёт поток термоядерной энергии нашего счастья и любви.

Вся ночь была освещена этой волшебной, сладкой, чарующей и жизнеобразующей энергией. Потом Марина любовалась спящим Фёдором. Он изредка вздрагивал и вздыхал во сне. «Наверное, новая, образованная сегодня нашей любовью галактика передаёт Фёдору какие-то космические сигналы», – подумала влюблённая девушка.

Утром Марина приготовила завтрак. Она целовала Фёдора и благодарила за незабываемую ночь любви.

– Фёдор, я за твои нежные руки готова полжизни отдать, – восторженно говорила Марина. – Я была на вершине восторга, на планете женского счастья.

Фёдор впервые от девушки слышал такое. Обычно другая часть тела была самой запоминающейся в женском сознании. А тут нежные руки... Да, Маринка была необычной, сказочной женщиной. Потом они расстались, и Фёдор пошёл в диспетчерскую ПРО (производственно-распорядительного отдела) «Братскгэсстроя». Там его уже ждал непосредственный начальник – Иван Михайлович Говорунов.

А Марина вскоре почему-то поспешно уехала на Украину к себе домой. Они даже не попрощались, не обменялись адресами. Связь прервалась. Но Фёдор душой чувствовал, что новая галактика иногда передавала ему слабые радиосигналы. Но расшифровать их он не смог, а может, просто не захотел.

Топором по любви не хотите?

Иван Михайлович Говорунов чётко воплощал смысл данной ему фамилии – он был весельчаком и юмористом. Но если Иван Михайлович впрягался в работу, а впрягался он всегда, то не было требовательнее, чем он, человека. Требовательного к себе и ко всем подчинённым, подрядчикам и субподрядчикам. Сам он родом из Белгорода, окончив московский институт, приехал в Усть-Илимск, да так и остался на долгие годы в юном северном городе. Иван был высокого роста, с Фёдором они были почти ровесники. Только вот Федя был коренаст и невысокого роста. Правда, если к его росту прибавить длину его члена... Он выглядел бы повыше некоторых баскетбольных звёзд. Но Фёдору и так хватало, главное, женщины его любили. Он был холост и ничем не обременён, поэтому мог работать день и ночь, в выходные и в праздники. За это начальство его любило. А то, что шофёр был хорошим профессионалом и неболтливым по своей натуре, придавало ещё большую значимость его имиджу. Однажды Иван Михайлович сказал Фёдору:

– Сегодня едем на блядки, разрядиться надо немного, а то нервы на пределе уже.

– На блядки так на блядки, как скажете, шеф, – в ответ засмеялся Федор.

Он знал, что если Иван Михайлович шёл в загул, значит, всё будет серьёзно. На работе ништяк, всё отрегулировано, беспокоить никто в обозначенное время не будет. С девчонками всегда порядок, они безумно влюблялись в Потапыча, так его любовно называли подруги.

Дорога была не дальней, через двадцать минут они уже были в Новом городе. Встречала гостей в своей квартире голубоглазая блондинка Светлана Озерова, Фёдора ждала жгучая брюнетка Татьяна. Света была разведёнка, дети жили с бабушкой.

А Татьяна была замужем, и квартира её находилась в том же подъезде, что и у Светланы, только на первом этаже. Гулянка понеслась сразу со старта полным ходом. Иван уходил с красавицей блондинкой в спальню, они занимались любовью и снова возвращались к столу. Все весело бухали чистую, как слеза, водку и закусывали сибирскими деликатесами: речной рыбой и диким мясом.

Фёдор раздел Татьяну. Она хоть и была замужем, но не очень владела премудростями сексуального искусства. Стеснялась, тормозила поначалу. Потом, правда, разогрелась, раскрепостилась, и сексуальная энергия заполнила всю Светкину квартиру. Стоны доносились то из одной комнаты, то из другой. Пир пьянства и секса был в полном разгаре, когда в дверь квартиры позвонили.

Татьяна напряглась как струна.

– Это муж, сейчас он устроит дебош и поножовщину. Он имеет опыт сидельца, терять ему особо нечего, – с тревогой в голосе произнесла она.

Все замерли в ожидании развязки. Света на цыпочках подошла к двери и тихонько посмотрела в дверной глазок. На площадке стоял разъярённый, как бык, муж Таньки. Он готов был наброситься на тореадора с топором. Топор был с широким лезвием для рубки мяса, рукоятка длинная.

– Слышь, ты, козёл, – начала из-за двери вещать Светка. – Катись отсюда, пока не нашёл на свою жопу приключений. Ты чё ко мне тарабанишь, пьянчуга? Я со своим мужчиной занимаюсь любовью, а ты тут с топором выёживаться пришёл. Ещё раз по-хорошему прошу: уходи отсюда нафиг или тебе хуже будет, – твёрдо, без тени страха отчеканила блондинка.

– Ты мне на хер не нужна, Светка. Пусть моя Танька выходит, – уже без прежнего напора начал кричать из-за двери обиженный муж.

– Нет тут никакой Таньки, катись отсюда!

– Светка, открывай, я только посмотрю и уйду.

– Ага, сейчас, буду я перед тобой голыми сиськами сверкать. Иди к своей Таньке и любуйся её дойками, а от меня отстань или я милицию пошла вызывать.

– Ну, сука, ладно, я в подъезде тогда караулить буду. Всё равно рано или поздно выйдете, бляди, из квартиры.

– Хрен с тобой, сиди и жди сколько хочешь, только не на моей лестничной площадке, долбодятел непонятливый.

Обескураженный Отелло ушёл вниз. Пир продолжился.

На грани риска жизни и смерти оргазмы у Татьяны были ещё жгучее, ещё острее. Она улетала в небеса и со всего маха падала вниз в постель в объятия Фёдора. Теряла сознание и снова возвращалась, охваченная дурманящими чувствами экстаза. Ей было всё равно, что будет потом. Главное, сейчас её Феденька рядом и его член бороздит вселенную её ещё не раскрытых ранее пластов сладострастных чувств.

– Феденька, Феденька, любимый, как мне хорошо с тобой, – шептала она, прижимаясь к Фёдору.

Но всему приходит конец, пришло время завершать и этот сексуальный марафон. Иван Михайлович оделся. Смотрясь в зеркало прихожей, поправил галстук. Фёдор тоже уже был наготове. Договорились спускаться медленно и возле машины решили быть осторожными.

Отелло с топором не должен был застать плейбоев врасплох. Поцеловав подруг, наши герои шагнули в темноту подъезда.

На лестничной площадке первого этажа они увидели сидящую сгорбленную фигуру с топором наперевес. Фёдор страховал, а Иван Михайлович демонстративно перешагнул безумевшего от страха Отелло. Фигура Ивана Михайловича заполнила весь лестничный проём. Фёдор пнул ногой в жопу сторожившего свою неверную жену мавра:

– Пододвинься, мудило. Весь проход перегородил.

Отелло принял с благодарностью этот поджоппник. Он, наверное, подумал: «Хорошо, что хоть бить не стали». А наши герои сели в уазик, отъехали по проспекту Мира несколько метров. Потом машина ещё долго сотрясалась от смеха молодых и озорных героев-любовников.

Забота о здоровье. Умирать-то неохота

Жить оставалось полтора года. По крайней мере, столько отмерил Фёдору экстрасенс-волшебник. Жизнь прекрасна, и помирать уж очень сильно не хотелось. Фёдор решил заняться закаливанием. Очень жалел, что не уточнил у предсказателя, от чего зайдёт, или дубу даст, или ласты завернёт. Как бы ни говорили, а такие знания не лишние, может, и побороться бы смог. Защитить себя. А так – общее закаливание организма. Так велел главный врач железнодорожной больницы Николай Алексеевич Наумов, что из посёлка Железнодорожный.

Когда я встретил Фёдора на улице, у меня пропал дар речи.

Переведя дыхание, я спросил донжуана моржового:

– Федя, мороз минус сорок семь градусов, ты идёшь в болоньевой куртке на голое тело, без шапки. Тебе не кажется, что люди могут подумать на тебя – безмозглый дурак?

– Не, не подумают, – поглаживая заиндевевшие кудри на своей груди, начал вещать Фёдор. – Люди увидят, что я не босиком, а в кедах, и сразу поймут, что парень закаляется, – беззаботно заключил мой друг.

Я посмотрел – действительно, в резиновых кедах на босу ногу.

– Доказывать что-то бесполезно. Разреши, Федя, сразу перейти на оскорбление, – продолжая разговор. – Ты, Федя, при такой погоде себе болт отморозишь, девки любить перестанут, – предостерегаю я своего друга.

Федя громко захохотал, клубы густого пара вместе с выдыхаемым воздухом вылетали из рта моржа. От этого он походил на Деда Мороза и Змея Горыныча одновременно. Но не на простых сказочных героев, а на придурков на всю голову шибанутых.

Я как накаркал. Спустя некоторое время от простуды у Федя закапало с конца. Привожу его к Николаю Алексеевичу Наумову в больницу и решаю приколоться.

– Коля, у моего кореша нижний зуб заболел. От любви или нет, не знаю. Проверить бы надо. Только одна проблема. У него писюн малюсенький. Попроси, чтобы медсестра Настя отыскала его в штанах парня и сделала мазок для бактериологического анализа.

Когда Фёдор по моему приглашению вошёл в кабинет главного врача больницы, Наумов подбадривающим голосом сказал, обращаясь к Фёдору:

– Не переживай сильно, Фёдор, хрен не должен быть большим, он должен быть весёлым.

Фёдор ничего не ответил. Он только пожал плечами в недоумении.

Настя, высокая стройная брюнетка с великолепной фигурой и гордой осанкой, перечить главврачу не стала. Вот они с пациентом идут в процедурный кабинет. Она – высокая и статная, и Фёдор – ростом ей до груди, но коренастый, как штангист. Я весь замер в ожидании. Через несколько минут Настя заходит в кабинет Наумова с гордо поднятой головой. Она умная девчонка, догадалась о моём приколе про маленький пенис пациента.

– Николай Алексеевич, ваше указание выполнено. Я взяла мазок из этого «маленького» писюна. Даже наклоняться не пришлось, – хитро улыбаясь, девушка поглядела на меня и ушла.

Фёдор зашёл следом, он выглядел ошеломлённым.

– Вот это баба! Какая фигура! Какой рост! Её в грудь целовать можно не нагибаясь. Всё, Серёга, я женюсь. Кончилась моя холостяцкая жизнь. Я встретил свою мечту. Она будет матерью моих детей. А потом уже и помирать можно...

Свадьба и брачная ночь на осколках битого стекла

После первой брачной ночи Настя прибежала в комнату в общежитии к Петру. Он был нашим общим другом, и они ранее иногда с Настей придавались любовным утехам.

– Петя, слышь, у него член как пожарный брандспойт, – стала причитать девушка.

От испугу она немного преувеличивала.

– После комсомольской свадьбы, когда гости разошлись и мы остались одни в комнате общежития, Фёдор постелил простынь на полу, – продолжила Настя. – Потом – о ужас! – разбил молотком с десяток пустых бутылок. Осколки стёкол положил на импровизированное брачное ложе, – голос девушки задрожал.

– Теперь мы, Настя, будем с тобой строгать маленького Буратино, – сказал Фёдор, содрогаясь от сексуальной страсти...

Петя осмотрел спину девушки. Порезов не было видно, но вмятины от острых граней битого стекла запечатлелись на упругой коже девушки. Наверное, Фёдор смог передать супруге какие-то йоговские импульсы, которые спасли кожу девушки от глубоких порезов.

– Я с перепугу думала, что после полового акта пойдём голыми на мороз бегать босиком по снегу или по горящим углям возле общаги... Петенька, мне страшно. Я боюсь этого монстра. Пожалей меня, – девушка горько заплакала.

Петя пожалел девушку четыре раза за ночь. Наутро она ушла к своему йогу.

«От такого брандспойта сбежала к обычному парню», – подумал я.

Опять мне вспомнились слова Наумова Николая Алексеевича: «Хрен не должен быть большим, он должен быть весёлым!»

Потом я переговорил с Фёдором. По-дружески порекомендовал заниматься йогой самому, а жену не испытывать такими изысками.

– Для неё экзотики, – я показал взглядом ниже пояса друга, – и так выше крыши.

Фёдор больше таких экспериментов не проводил. Он полюбил Настю. Девушка тоже влюбилась в своего мужа. Позже у них родилось два сына. Супруги дружно катали коляски по красивым, нетронутым островкам тайги, которые мудрые строители и проектировщики оставили для горожан внутри микрорайонов в нашем молодом городе Усть-Илимске.

Многие девчонки завидовали Насте, какой заботливый и внимательный был у неё муж. Как он смотрел на супругу...

Глаза его светились божественным светом. Сыночки-двойняшки на его руках резвились и звонко хохотали. Такая сказочная дружная семья. Какие чистые и трепетные отношения.

«Только усть-илимские Ромео и Джульетта, радостные и счастливые, не думали о смерти», – хотел было написать я.

Нет, о приближающейся смерти думал Фёдор. Когда он ночью внезапно просыпался, то любовался спящей прекрасной Настей, его женой, и с горечью думал, что вот уже скоро он покинет этот мир. Настя останется одна воспитывать двоих озорных сыновей.

Он целовал свою красавицу, потом молча, стиснув зубы, плакал. За что ему участь такая, за что?

Федя забыл всех своих поклонниц. Настя тоже была преданной и верной своему ещё недавнему земному воплощению Дон Жуана и Джакомо Джироламо Казановы. Наверное, Настя своей любовью и спасла Фёдора от смерти, предсказанной экстрасенсом-волшебником.

Верность – лучшее качество донжуана

Не сразу выветривались из головы, вернее из обеих (верхней и нижней), мысли о сексе на стороне. До смерти, предсказанной экстрасенсом, осталось два дня. Фёдор приехал в Иркутск, чтобы встретить самолёт из Москвы. Его шеф Иван Михайлович возвращался из командировки.

«Встречу Говорунова, привезу его в Усть-Илимск и помру. Забегу-ка я напоследок к Татьяне Голубевой. Не видел её уже давненько, попрощаюсь. Больше ведь не придётся встретиться. Разве что на том свете», – подумал Фёдор.

Машина до утра осталась на стоянке в аэропорту. Федя с бутылкой сухого вина уже поднимается на пятый этаж панельного дома в микрорайоне «Солнечный», что на берегу иркутского водохранилища. Вот она дверь некогда любимой девушки. Она, наверное, по-прежнему одинока. Её дочка Леночка – точная копия мамы, только в уменьшенном масштабе, уже подросла, наверное.

Звучит динь-динь. Это тот, прежний, до боли знакомый Фёдору дверной звонок. Дверь открывает Татьяна. Она, как и раньше, в халатике, надетом на голое тело. Её большие упругие груди всё также подпрыгивают при ходьбе и норовят вырваться на свободу из этого завораживающего простенького одеяния.

Фёдор стоит и молчит. Он не знал, как же сказать Тане, что он послезавтра умрёт, что это их последняя встреча.

Вдруг из комнаты слышится сердитый мужской голос:

– Таня, это кого ещё на ночь глядя принесло?

«Может, экстрасенс ошибся с датой, может, мне уже сегодня помирать в драке с этим быком?» – начал думать Фёдор.

Он ни капли не испугался, ему было тоскливо от безысходности. Фёдор не стал проходить в квартиру, зачем. Драться у него не было желания. Быть участником выяснения семейных отношений он тоже не хотел. Время шло, Татьяна, наверное, вышла замуж. А тут он припёрся, не предупредив заранее.

– Извините, я ошибся адресом, – отчеканил Фёдор, потом резко развернулся и пошёл вниз на улицу.

На автобус он садиться не стал. Потихоньку поплёлся по объездной дороге в аэропорт. Сумерки начали сгущаться. Что-то торкнуло в голове, и Фёдор обернулся назад. В свете фар встречных машин он увидел знакомую фигуру, бегущую вслед за ним. Это бежала Татьяна. Она каким-то седьмым женским чувством поняла, что Фёдор идёт уныло пешком. Фёдор залюбовался эротичной динамикой движения молодой женщины. Она в беге отталкивалась одной ногой от асфальта дороги. Два её огромных мяча за пазухой устремлялись вверх. Потом в бок, в противоположную сторону от толчковой ноги. Затем от импульса, передаваемого другой ногой, они летели обратно. При этом они залетали на бок с такой силой, что казалось – мячи кружатся и бьются о кольцо баскетбольной корзины и никак не могут туда провалиться. Наконец мячи были остановлены объятиями Фёдора и запыхавшейся Татьяны.

– Феденька, мне надо с тобой поговорить, – переводя дух, произнесла Татьяна.

– Мне тоже, Таня, надо тебе многое сказать, – заговорил Фёдор.

Он поцеловал Таню в щёчку, и они присели на придорожный валун.

Таня начала серьёзный разговор.

– Послушай, Федя, ты случайно триппером не болеешь?

Фёдор обалдел от неожиданного пассажа и чуть не свалился на землю.

– Ты чё такое говоришь, Таня? – ошарашено спросил Фёдор.

– Понимаешь, Федя, после нашего расставания я долго не могла тебя забыть. Другие мужики мне казались слабаками, и я при возникновении сексуального желания удовлетворяла себя сама. Я мастурбировала в кровати, иногда в ванне, открутив у душа распылитель, под тёплой струйкой воды. Направляла её поток на клитор и воображала, что это ты рядом со мной.

– Ой как поэтично. Но причём тут триппер? – начал интересоваться Федор.

– Не перебивай меня, – сердито одёрнула парня Татьяна. – Потом у меня всё же случился контакт с женщиной. Ничего яркого, но сегодня он пришёл ко мне домой с предьявой. Говорит, что, кроме жены и меня, никого не трахал всё обозримое время. Пришёл, типа, выяснять, откуда взялась венерическая болезнь. А тут ты звонишь в дверь и уходишь, я и побежала, чтобы тебя спросить.

– Ты только про триппер хотела спросить и больше ничего?

– Да, Фёдор. Я просто ошарашена, и других мыслей в голове у меня нет.

– Ну и слава Богу. Успокойся, пусть твой любовник со своей благоверной разбирается. Мы с тобой не при делах, если всё так, как ты говоришь, – успокоил девушку Фёдор.

Глаза Татьяны просияли. Больше говорить вроде не о чем.

Фёдор пожелал Татьяне всего хорошего и продолжил свой пеший путь в аэропорт. Окрылённая Татьяна направила свои лыжи с баскетбольными мячами по направлению домой.

«Во, блин, какой только фигни в жизни не происходит, – шёл и думал Фёдор. – Нет, я больше своей Настеньке изменять не буду. Да и жить-то осталось уже всего ничего – один день. Экстрасенс – он на то и волшебник, чтобы никогда не ошибаться», – грустно думал Фёдор.

Последние солнечные лучи заката убежали за горизонт. Облака начали сгущаться. Природа стала погружаться во власть тьмы. Фёдор шёл не спеша. Вдруг в его сознании зазвучала грустная мелодия старого танго:

Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.
Мне немного взгрустнулось,
Без тоски, без печали
В этот час прозвучали
Слова твои.
Расстаёмся, я не в силах злиться,
Виноваты в этом только ты и я.
Утомлённое солнце
Нежно с морем прощалось,
В этот час ты призналась,
Что нет любви.

Фёдор не умер ни на завтра, ни потом. Он жив и сейчас. В Усть-Илимске с женой Настей они растят многочисленных внуков.

Жизнь продолжается.

5. Мужские гулянки и измены

По грибы да по ягоды в тайгу, или Персики да розочки

Дары природы всегда привлекали людей своей доступностью. Однако дары природы бывают разными. Например, дарами природы называют грибы и ягоды. Их видимо-невидимо было когда-то в пригородах Усть-Илимска. Правда, теперь уже за ними надо ехать всё дальше и дальше. Повытоптали горожане многие уголья. Да и экологические нагрузки тоже дают своё негативное влияние на окружающую среду. Шутка ли, гигант лесохимии пытит, коптит, сливает стоки. А природа должна это всё перемолоть.

Но бывают и другие дары природы. Ими наделяется человек. Только этот дар принято называть божьим.

– Ах, какая мне досталась красивая фигура, – крутятся перед зеркалом обнажённой, с гордостью произносит жгучая брюнетка Оксана.

– Да, с твоими природными данными – в кино сниматься. Какая роскошная грудь, какие бёдра, а талия! Я просто не могу, – восхищается формами подружки русоволосая Анжелика.

Подруг приглашали в лес по грибы два парня – Геннадий Айзянов и Дживан Айрапетян.

– Послушай, Оксана, а у кого, ты думаешь, из пацанов божий дар посolidнее будет? – интересуется Анжелика.

– Не знаю. Для меня намного важнее, чтобы мужчина был ласковый и нежный. А размеры – это уже вопрос второй, – промурлыкала Оксана.

– Не скажи, что-то все в первую очередь обращают внимание на габариты, – не соглашается Анжелика. – Мужикам подавай большие сиськи. Округлую пятую точку. Большие, небесной синевы глаза...

Оксана была старше Анжелики, и её сексуальный опыт был богаче. Хотя в те времена первый опыт и расставание с девственностью зачастую являлись прологом к бракосочетанию. Нравы были такие. Соблазнил девчонку, лишил невинности – женись, если ты мужчина. Это было гласным и негласным правилом поведения.

Не у всех именно так получалось. Оксана свой первый опыт помнила плохо. Как-то на одной вечеринке она перебрала вина. Голова кружилась, подташнивало. В это время к ней подкрался один хмырь, растележил, раздел... Изнасилования, конечно, не было. Оксана не сопротивлялась. Но и восторга первых отношений она не получила. Клеился к ней этот парень потом, но от его вида в совокупности с воспоминаниями Оксану тянуло блевануть. Какая уж там любовь.

– Наверное, ты права, – немного подумав, продолжила размышления вслух Анжелика.

– Вот Вовка Коровин – маленький такой весь. А шустрый и работоспособный, как кролик. Я с ним всю ночь прокувыркалась почти без перерыва. А Федя Еремеев пока раскачается, пока кровь заполнит его напрягающийся могучий аппарат, нужно время. Короче, проблематичненько получается. Да, ладно. Оксан, давай я себе выберу Дживана, – начинает мечтать Анжела. – У него такие красивые, с поволокой, грустные карие глаза. А ресницы такие чёрные и длинные, как будто бы глаза подведены косметикой. Всё, этот красавчик будет мой! – заявляет тональностью, не терпящей возражений, Анжелика.

– Ну и ладно, хрен с тобой, дорогая подруга. Тогда у меня будет блондинистый Генка, – соглашается Оксана.

Они весело и озорно смеются. Девушки усаживаются и начинают ожидать приезда парней на чуде советского автопрома – запорожце Геннадия. Машина хоть и не очень помпезная, но зато её можно на руках перетащить из любой ямы или ухаба.

Тем временем в другой компании также идёт подготовка к выезду в лес. Иван Михайлович Говорунов застолбил дежурную машину управления строительства предприятий лесосырьевой базы Усть-Илимского ЛПК для заброски на самые лучшие лесные поляны. Там в этом деле о дарах природы знают толк лучше других. А для него, старшего диспетчера ПРО «Братскгэсстроя», отказов по транспорту быть не может. Его друг Александр Иванович Стародедов должен был прихватить с собой своего главного инженера СМУ УСД (строительно-монтажного управления строительства дорог) Виктора Кирилловича Устюжина.

Это была его инициатива проветриться на свежем воздухе. Разрядиться от напряжённых трудовых будней на природе.

Наступает назначенный час. Послеобеденная пятница понесла по лесной дороге запорожец с квартетом молодых людей. Гена рулил, а Дживан развлекал Оксану и Анжелику анекдотами.

Потом вдруг Генка как запоёт:

– По ухабам, по ухабам, едем к бабам, едем к бабам.

– Геныч, ты чё, сдурел? Девчонки-то уже с нами едут, – начал перебивать его Дживан.

– Ой-ё, это так, вырвалось само собой, – захихикал Гена Айзянов.

Все стали весело смеяться.

В другой компании Александр Иванович Стародедов в штормовке, обутый в резиновые болотные сапоги, заходит за своим начальником. Виктор Кириллович сидит в своей квартире одинокий и угрюмый. Жена уже полгода как уехала в Калининград к родителям. Надо сидеть с больной мамой. А он холостякует, проводя почти всё время на работе. На столе стоит распечатанная бутылка коньяка. Он посмотрел на Александра и так задумчиво произнёс:

– Саша, да ну её на хер эту поездку. Давай лучше расслабимся. Скажи Ивану, чтобы снял с маршрута дежурку. Пусть приезжает ко мне.

– Хорошо, шеф, – улыбается Александр.

Через полчаса Иван в боевой готовности стоит на пороге.

– Какие планы, мужики? Вместо леса с ягодами предлагаю заняться женщинами с их прелестями – персиками и розочками.

– Это как? С сисечками и сокровенными лепесточками губ? – смеётся Александр.

– Ну вы просто поэты, какие образные сравнения, – восхищается Устюжин.

Иван, как деловой человек, быстро отправляет шофёра на рынок. Через некоторое время тот привозит ведро с брусникой.

– Сашке для отмазки от жены пригодится. Алевтина у него строгая, – заключает знаток женских душ Иван.

Это на работе Саша командир. А дома он сознательно отдал руководство семейным бытом своей красавице жене.

– Мужики, я с вами в ресторан не пойду, – говорит Александр. – Не хочу и одет я по-бичёвски. Да и жену расстраивать нет желания. Кто-нибудь настучит. Мир не без добрых людей.

В этот момент Виктор Кириллович достаёт костюм, рубаху, галстук. Оба они мужики рослые, размеры близкие.

– Саша, нельзя друзей бросать. Как же мужская солидарность? Брусника заготовлена. Сапоги промочим, штормовку перепачкаем на всякий случай. Или ты бздун? Не мужик? – подтрунивает Кириллыч.

– Ладно, только не надо понтов и подъё... Пошли. Уговорили уже, соблазнитель коварные, – соглашается Александр.

Запорожец остановился на живописной поляне. В небе поют птицы. Свежий ветерок доносит до сознания ароматы девственной тайги и её благоухающей природы. Запахи дурманят. Здесь ещё не ступала нога человека. Рядом просеку прорубали первопроходцы, после них сюда никто не заходил. Здесь бегали красавцы олени, изюбри и косули. Здесь токовали глухари, которые в порыве любви не слышали и не видели ничего вокруг, кроме своих самок. Инстинкт продолжения рода затмевал перед ними всё. Только его любимая, которую он закружил в своём лихом и чувственном танце. Только она. И никто больше не мог владеть его сознанием, его чувствами.

Вот и наших молодых людей охватили порывы нежных чувств. Вот и они забыли обо всём. Из леса доносилась мелодия любви, она звала, она завораживала, она пела и торжествовала. Анжелика взяла за руку Дживана. Она восторженно смотрела ему в глаза. Её душа пела в унисон лесной мелодии. Молодые люди устремились в глубину леса. Ангела забегала вперёд и пряталась за деревья. Дживан бегал, искал, кричал, начинал волноваться. Девушка неожиданно выскакивала перед ним и опять устремлялась в глубину леса. Она была неуловимой. Наконец Анжелика устала. Дживан поймал её, обнял, нежно прижал к себе, и они опустились на траву, на лесной мохнатый ковёр, весь усеянный бусинками брусники и черники. Анжелика погрузилась в сладкие, нежные и восторженные ожидания сказочных чувств любви. А Дживан начал погружаться в трепетное, дрожащее от удовольствия существо молодой девушки...

– Анжелика, любимая моя, – шептал Дживан. – Ты необыкновенная красавица, я не могу поверить, что это наяву. О такой женщине можно только мечтать.

– Дживан, дорогой, давай ещё, ещё сильнее входи в меня, не бойся. Ты такой сильный мужчина... а-а-а.

Дживан ласкал груди Анжелы, её покатые бёдра. Трепетно сжимал упругие ягодички. Его руки, как руки скульптора, скользили, обследуя произведение искусства, наслаждались божественными формами подруги – этим божьим даром. Потом он продолжал глубокое погружение в Анжелу и их общий омут восторженных чувств.

У запорожца тоже происходило торжество плотской любви. Оксана овладела Геннадием. Да, именно овладела. Он, как неопытный школяр, полностью подчинился ей. Лёжа на спине, он любовался через расстёгнутые полы светло-бежевого плаща точёной фигурой Оксаны. Она уселась сверху, погрузив в себя вздыбившийся и возбуждённый нефритовый стержень Геннадия.

Её ритмичные движения придавали порывистый азартный ритм сознанию, дыханию, сердцебиению. Её упругие груди с тёмно-бордовыми сосками описывали замысловатые траектории в этом танце любви. С этим же ритмом в такт глубоким погружениям неслись ввысь крики и стоны восторга и удовольствия. Наступательными, вертикальными, продольными и вращательными импульсами движений она заставляла Геннадия отползать, перемещаясь по таёжному ковру. Ягоды брусники и черники лопались при этом, окрашивая одежду Геннадия своими несмываемыми чудесными красками. Потом партнёры поменяли позицию. И уже Оксана, утопая в волшебных красках оргазма, окрашивала свои одежды соками таёжной переспелой ягоды.

Завершение акта восторженного и сладострастного удовольствия произошло почти одновременно, как взрыв фугасной бомбы. Неистовые крики из лесной чащи и с поляны возле запорожца слились в единый энергетический поток, извещая Вселенную о торжестве жизни и любви.

Да, это была любовь, замешанная на огненной страсти. Да, это было сильное чувство, которое не было связано какими бы то ни было обязательствами. Может быть, это разврат, но он такой сладкий и манящий. Как тяжело мужчине устоять перед этой трепетной волной удовольствия. Как нелегко девушке решиться на такое. А уж решившись, сломя голову она

стремится испытать всё до дна, как в последний раз. А чего бояться-то. Ведь никто не узнает об этом приключении. Невольные свидетели: вороны, дятлы, бурундуки и другие обитатели тайги – вряд ли разболтают об этой встрече молодых людей. Они не умеют говорить, и у них нет людского коварства. Да и в Усть-Илимске они не бывают, у них свой дом – тайга.

Вдруг у Геннадия запиликал мультитон. Это устройство подобное пейджеру. Оператор с промплощадки по эфиру через мощный радиопередатчик вызывает нужного абонента. На звуки и вибрации вызываемый человек должен отреагировать. Двухсторонней связи не было. Ему надо было срочно подойти к ближайшему телефону и набрать номер оператора. А телефоны тогда были стационарными, сотовых телефонов ещё не изобрели. Оператор при этом сообщит экстренную информацию. Куда надо бежать и что предпринять, производственная дисциплина, тут не шуточки. Девушки переглянулись. Все догадались, что надо ехать в город. Парни стали собирать вещи, раскиданные по поляне. А девчонки стали срочно собирать грибы в ведро Геннадия. Он сказал, что обещал жене привезти домой дары природы. Божьим даром от тел ребята уже насладились, а вот со сбором природных даров случилась незадача. В ведро летело всё подряд. Маслята, рыжики, грузди и даже мухоморы с поганками. Надо наполнить, а уж потом дома разберутся, что к чему.

Вороны смотрели со стороны на людей и смеялись, громко каркая. Светло-бежевые модные девичьи плащи из ранее однотонных приобрели новый окрас – в бордовый и чёрный горошек, причём только с одной стороны – со спины. Рисунок сказочный. Если бы его увидел Вячеслав Зайцев или другой какой-нибудь кутюрье, наверняка бы он взял на вооружение цветовую гамму в свою новую супермодную коллекцию, такой-то загадочный окрас!

У парней штормовки, на них природные художества не так заметны. На обратном пути Дживан заключил:

- Грибов набрали немного, но ползунихи – полный короб.
- Да, ползунихи намного больше, – подтвердила, смеясь, Оксана.
- Ещё и плащи перекрасили в самый замысловатый цвет. Может, мы станем законодателями новой моды, – заулыбалась Анжелика.

Все опять стали дружно смеяться.

А в это время наши исследователи персиков и розочек сидели в ресторане. В левобережье был только один ресторан, и попасть туда было непросто. Но это не для Ивана Михайловича, он мог всё.

И вот наши герои уже пьют и танцуют. Хотя танцами этот процесс назвать трудно. Под громохочущую музыку подвыпившие посетители трясли всем тем, чем были богаты. Под звуковые раскаты тряслись переспелые груди взрослых тёток и маленькие мячики подрастающих бойцов, вернее бойчих, сексуального фронта. Мужики трясли тем, что мешает плохому танцору. Кто-то праздновал юбилей или иной праздник. А кто-то пришёл на съём партнёра на ночь. У каждого были свои резоны, свои проблемы и заботы.

Иван с ребятами засиживались подолгу за столом, пропуская танцевальный марафон. При их крепком, молодом и закалённом здоровье надо было много водки, чтобы потом разбушлатиться. Официантки же старались изо всех сил. Они, казалось, готовы вывернуться наизнанку, чтобы угодить своим заслуженным и щедрым посетителям. Вероника, молоденькая труженица ресторанного сервиса, постоянно следила, чтобы рюмки клиентов были всегда наполнены до краёв. Она услужливо наклонялась и всякий раз, когда мужики выпивали, вновь наполняла огненной водой опустевшие бокалы. Ах, какой прекрасный вид был при наклоне в её декольте. При этом она невзначай прикасалась к Сашкиному уху. Ах, какие это были прикосновения! Сосцы её упругой груди скользили по ушной раковине Александра вниз и потом, бороздя эту чувствительную поверхность, возвращались обратно. Прикосновения, вызванные этими движениями, были лёгкими, скользящими и обжигающими. Они возбуж-

дали, будоражили сознание молодого парня. Его воображение рисовало картины обнажённой натуры. Перед глазами проплывали образы героинь художников эпохи Возрождения из Эрмитажа. Фантазии бурлили. Он уже почти чувствовал проникновение в жаркое лоно этой завораживающей красавицы. Он уже чувствовал нежное щебетание её губ, её смелые поцелуи. Его взяла в плен энергия Венеры – Богини любви. Вокруг него стали кружиться сказочные купидоны. Грудь девушки была свободна от бюстгальтера, и сосочки, как локаторы, воспринимая возбуждение мужчины, передавали чарующие импульсы её сознанию. Она тоже возбуждалась всё сильнее и сильнее. И к середине вечера Веронике стало невмоготу. Захотелось сексуальной близости. Захотелось бурного секса.

А в это время жена Александра Ивановича Алевтина исходила злостью, ревностью и негодованием. Ей по домашнему телефону какая-то доброжелательница сообщила:

– Вашему благоверному официантка в ресторане сиськами массирует уши. Наверное, скоро они уже погрузятся в машину и предадутся любовным утехам на квартире у своих друзей. С ним ещё двое кобелей других официанток за все места щупают. Будьте бдительны, можете потерять мужа, – и с чувством выполненного долга незнакомка повесила трубку.

В телефонной трубке долго звучали короткие гудки: «Пи-пи-пи-пи-пи».

«Прибью гада! Я дома сижу с тремя детьми, а он, козёл, вместо поездки в лес чужими сиськами развлекается. Надо срочно ехать! А куда? Где он может быть? Нет, поехать – значит не уважать себя, значит быть полной дурой. Нельзя действовать сторяча. Нет, я не такая. Я дожусь своего донжуана дома. Дам ему выволочку по полной программе. Скажу, что заберу детей и уеду к маме. Он безумно любит сына и двух своих дочерей. Пусть пострадает гад. Ну держись, Стародедов».

Потом Алевтина начала немного успокаиваться: «Всё равно я люблю своего мужа. Я люблю его, люблю, он мой, он мой».

Алевтина положила на место телефонную трубку.

А в это время наши герои уже ложились спать. Вероника взяла с собой ещё двух подруг, и они начали располагаться в квартире Виктора Кирилловича Устюжина.

– В супружескую спальню никому не заходить. Прибью! – орал пьяным голосом Виктор Кириллович.

Сам, обняв Клавдию, молоденькую девчонку, подругу Вероники, запустил руки к ней под блузку и, перекатывая груди, поковылял с ней в зал.

– Продолжаем гулянку! – звучал его зычный, командный голос.

Коньяк на столе. В связи с отсутствием закуски в квартире, находящейся в холостяцком режиме, решили заедать брусничкой. Благо, её много, целое ведро. Пили ещё, пели песни.

Однако «хотельчик» сильно стучался в затуманенное сознание. Кобелиные рефлексy не давали много пить и не позволяли опьянеть. Саша с Иваном, взяв Веронику и Машу, пошли устраиваться в детскую комнату. Комната небольшая, примерно пятнадцать квадратных метров. По бокам две кровати, посередине стол, вот и всё нехитрое убранство. Саша с Вероникой начали устраиваться на одной кровати, Иван с Машей на другой. А чтобы устроить перегородку, перевернули стол и поставили его на полу. Эдакая ширма получилась, закрывающая обзор кроватей.

– Ваня, я стесняюсь, – прерывисто дыша, шептала Маша.

– Да не бойся ты, ничего же не видно, – бурчал басом Иван.

А в это время выше кромки стола уже начала взлетать в бешеном ритме задница Александра. Послышались стоны и всхлипывания обезумевшей Вероники. Она тяжело дышала. А задница партнёра продолжала взлетать и опускаться, прячась за импровизированной не очень высокой ширмой.

– Ну вот, пока ты ломаешься, у ребят уже процесс в полном разгаре, – продолжил уговаривать свою партнёршу Иван.

– Мне страшно, я так не могу. Как без любви-то этим заниматься? – снова закапризничала Маша.

– Да я тебя уже почти люблю, – снова забубнил Иван. – Какая у тебя красивая грудь. Попочка просто загляденье, – начал вешать молодой мужчина.

– А как же душа? – засомневалась снова Маша.

– Ну, душу с первого раза не разглядеть, надо раза два или три.

– А мы будем ещё встречаться?

– Конечно, будем, безусловно. Такую девушку, как ты, надо познать поглубже. – И Иван вошёл на всю глубину...

– Ой, как хорошо, как здорово, – начала дрожащим голосом шептать Маша. – А-а-а, я кончаю, – её молодое тело охватили сладкие судороги. – А-а-а, Ванечка, любимый. Ваня, Ваня, а-а-а...

Маша затихла, она была на вершине плотского удовольствия. Оргазм Маши, как спусковой механизм, запустил волну сладострастия у партнёров, находящихся по ту сторону баррикады – перевёрнутого стола. За ширмой слышались пронзительные стоны, и там тоже прозвучал финальный аккорд.

– Саша, Сашенька, ты подарил мне море счастья. Ой, ой, ой, – голос Вероники дрожал, замирая на высокой ноте.

Этот оргазм был намного сильнее. Он вобрал в себя энергию четырёх сексуальных партнёров. Он лишал сил и дара речи. Потом это повторялось и повторялось много раз. Оргазмические ураганы охватывали то одну, то другую пару. Виктор Кириллович тоже не отставал от нашего квартета. Он порадовал Клавдию своей неутомимой энергией. Она вся светилась от счастья и восторга.

Утром решили похмелиться, и пьянка перешла в новую фазу, плавно перемещаясь из пятницы в воскресенье. Пили, занимались сексом, потом снова пили, потом опять секс. Настоящие гиганты и того, и другого. Таких парней сейчас встретить трудно. Измельчало, однако, мужское племя.

Воскресный вечер. Пришло время сдавать Сашу родной жене. Дежурка привезла его к дому на Новом городе. Водитель довёл подопечного к дверям квартиры, позвонил и убежал. Александр с ведром в руках, в болотных сапогах и костюме Кириллыча с галстуком. Брусники в ведре осталось совсем немного – на доньшке. Потом, когда Алевтина в праведном гневе надела на голову мужа это ведро, было не очень опасно и обошлось без сотрясения мозга. А если бы полным ведром по башке под горячую руку, результат мог бы быть печальным. А так пронесло. Буря в семейной гавани вскоре улеглась. Однако Ивану Михайловичу Алевтина запретила приходить домой к Александру. Может, это было под запарку, а может, она просто переживала за своего любимого мужа и стремилась оградить его от потенциальной опасности, как маленького ребёнка.

Вот и наш Геннадий из другой компании на своём запорожце прибывает к родному дому. Трезвый, как стекло, и с полным ведром грибов он гордо входит в квартиру. Встречает его жена с дочками. Они сразу садятся на кухне перебирать грибы. Через пару минут к Геннадию подходит супруга. Руки в боки, на лице гримаса, полная праведного гнева. Голос её подрагивает:

– Ну-ка, пойдём на кухню, дорогой, – говорит она металлической интонацией. – С кем грибы собирал, скотина, рассказывай, – и протягивает ему несколько длинных блондинистых волос.

«Ух ты, – пронеслось в голове Геннадия, – это Анжелика, наверное, оставила свою метку невзначай». А вслух начал блеять:

– Ну это... значит... типа... я... бэ...

– Ах ты гадёныш! – кричит разгневанная супруга и со всего маха надевает ведро с грибами на голову Геннадия.

Грибы катятся по плечам, груди, спине и валятся на пол...

Мудрые друзья давали советы о линии поведения с женой в подобной ситуации. Бывалые гулеваны делились своим большим опытом. Они советовали, как нужно выходить из кризисной ситуации. Александр и Геннадий через небольшой промежуток времени придумали свои отмазки. Они любили своих жён, они желали мира и покоя в своих семьях. Жёнам ничего не оставалось как поверить своим непутёвым мужьям. А куда им деваться. Лучше поверить, что муж не врёт. В своих пороках он не признался, значит, и не было измен. Лучше так думать, чем изматывать себя и мужа мучительными сценами ревности и бесконечными упрёками.

Зачем разрушать свою семью, своё счастье. Воистину, мудрое решение умных женщин.

А я чего-то задумался. Не было раньше такого масштаба педерастизма, как сейчас. Мужики увлекались женщинами. Ну, не белку же в дупле и не в дупло они в гости ходили...

Так, может, женщинам нужно было меж собой кинуть клич: «С чужими мужьями ни-ни, сама не дам никому – только мужу». Хороший почин, почти как «Пятилетку в четыре года!». Был у нас такой лозунг при социализме. Тогда, может, и переживаний женских меньше было.

Вот написал, и самому смешно стало.

– А если мужа или жены нет, что тогда?

– Женись, выходи замуж, – кричит мой внутренний голос.

– Да помолчи ты, однако, – останавливаю его я. – Не всегда и не все лозунги и почины воплощались в реальную жизнь. А в чужую личную жизнь лезть негоже, некрасиво это.

Поджаренные яйца

Шёл холодный дождь, пронизывающий ветер сдирает с деревьев остатки листвы. Осень постепенно начинала сдавать свои позиции приближающейся зиме. Уличные воробьи, нахохлившись, угрюмо сидели на колодезных люках теплотрассы. Они прекрасно понимали, что скоро ударят морозы и начнётся нелёгкая зимняя жизнь. Вернее, борьба за выживание. Кому-то из них не суждено справиться с таким испытанием. От ощущения этого было ещё больше грусти и тоски.

Тем временем Василий сладко потянулся и вылез из тёплой постели. Они с Олесей, заведомо усть-илимского «ЛесУРСа», всю ночь прогревали её в страстных объятиях и бурных поцелуях со всеми присущими этим действиям радостями жизни. Очередная ночь была незабываемой, очередная новая партнёрша радовала Василия своей необузданной страстью.

«Как так? – думал молодой руководитель строительного управления. – Откуда берётся такой темперамент?»

– Наверное, природа противопоставляет вечной мерзлоте нашего северного края свои противовесы. Уравновешивает климатический холод знойностью и жаром любовных отношений, – начал вслух рассуждать Василий.

– Миша, я правильно понимаю эту тему? – уже громко обращается он к другу.

Миша ёжится, выходя из соседней комнаты, и голышом прошмыгивает в ванную комнату. За ним следом выходит Наташа – подруга Олеси и товаровед «ЛесУРСа». Она обнажена, разгорячена и без всякого стеснения и смущения спрашивает хозяина квартиры:

– Василий Семёнович, где тут кофейку испить можно?

– Возьми халат в шкафу, накинь на себя, а то ещё простынешь, и иди на кухню.

– С вами тут простынешь, у меня из одного места аж дым готов повалить. Михаил Иванович такой мачо, такой жеребец! – игривым голосом произносит девушка.

На голоса, как мотылёк на свет, выпорхнула Олеся.

– Ой, а времени сколько? Блин, на работу бы не опоздать. А то планёрка, Леший лютовать начнёт.

Лешим они называли своего начальника «ЛесУРСа». Он был строгим, а когда разойдётся в начальствующем порыве, хоть в лес беги от криков и грубости. Лучше не нарываться.

Из ванны выходит Миша, он обёрнут в полотенце. Чайник закипел. Обнажённые девушки присели на колени к своим кавалерам. Чай с ароматами сибирских трав начал взбадривать молодые организмы. Окончательно всех взбудрил звонок в дверь.

Приехал персональный водитель Василия Семёновича – Паша.

– Шеф, карета подана. Куда едем? – поинтересовался шофёр.

– Подожди меня внизу, сейчас чай допьём и развезём гостей. А сами в контору. У меня селекторное совещание с начальником «Братскгэсстроя».

– Всё ясно, шеф, – засмеялся Пашка.

Так, за напряжённой работой на строительном производстве и бурными ночными приключениями, пролетело три недели. Через три дня должна приехать жена Василия. Он отправил её подлечиться в санаторий на Чёрное море. А она ему строго-настрого велела в квартире сделать освежающий ремонт. Руководители восьмидесятых годов прошлого столетия тогда по большей части были правильными, не позволяли себе злоупотреблять служебным положением. Да и партийная дисциплина была всегда на высоте. Мог бы Миша (или сам Василий) завести к себе домой бригаду отделочников, но не хотел так поступать. Да ещё горький опыт других на слуху был. Стуканули на одного руководителя за злоупотребление служебным положением. На даче у него в рабочее время его каменщик печь выложил. Так он чуть свой партбилет не выложил. Отодрали его на заседании парткома управления строительства Усть-Илимского ЛПК. Секретарь парткома Александр Тимофеевич Гамаюнов строгий был и принципиальный. Если бы первый секретарь горкома КПСС Николай Иванович Мальцев не заступился, так закончилась бы эпопея этого руководителя.

Но Василий не горевал. Он умел всё делать своими руками. Как-никак прошёл карьерную лестницу снизу доверху. Был штукатуром, каменщиком, плотником-бетонщиком. Это после строительного института он пошёл в гору, стал руководителем. Сначала мастером, потом прорабом, начальником участка, начальником СМУ...

В помощь пригласил близких друзей.

– Миша, всё, бухать больше не будем. С бабами завязываем. Надо в квартире навести порядок, побелить, покрасить, – говорит он другу.

– Базара нет, всё сделаем в лучшем виде, – отвечает Михаил.

Всю субботу и воскресенье команда друзей вшестером пашет, засучив рукава. Работа кипит. Полы красить не надо, а так всё готово. Не придерёшься. Вот уже мебель возвращена на исходные позиции, осталось немного докрасить прихожую. Кисти положили отмокать в трёхлитровую банку с ацетоном. Одну кисть оставили для окончания работ. Присели обмыть трудовой подвиг.

– Вася, вы тут с Мишкиным участием три недели кувыркались. Столько баб перетаскали, немерено. Не боишься, что с конца закапает? – спрашивает Виктор, заместитель начальника строительного управления.

– Вы чё? Если намотал, то через три – пять дней симптомы начинаются, а исчислять время для страховки надо от последнего контакта, – со знанием дела заявляет Кирилл, заместитель секретаря комитета комсомола.

– Но до сегодня всё нормально, клинических проявлений не было, – говорит Михаил.

– Ой, хорошо, что предостерегли, – встрепнулся Василий.

– А то я бы жену Верку в первый же день, ну, это самое... Заразил бы, забодай меня комар, – с тревогой произносит Василий.

– Да не бзди ты, девки все хорошие были, чистоплотные, проверенные, – парирует Михаил.

– «Бережёного Бог бережёт», – сказала монашка, надевая презерватив на свечку, – засмеялся Кирилл.

– Давай к Николаю Наумову съездим в железнодорожную больницу или к Стасу Князеву в городскую поликлинику, проверимся, сделаем бактериологический анализ, – предлагает Михаил.

– Так для получения результата нужно время, – начал размышлять по теме Сергей, председатель профсоюза, – неделя примерно, при посеве на чувствительность к антибиотикам.

– Да ты не парься, придумай какую-нибудь отмазку, чтобы отсрочить секс с женой. Ну, командировку какую-нибудь забубень. Или ещё чего такого, – начал размышлять Виктор, заместитель главного инженера. – Вариантов-то море. Пашка встретит жену, а ты пока недельку в Братске перекантуешься. Анализы сдадим, пролечимся, если надо.

Когда расставались, Василий был не на шутку озадачен. Завтра в обед встречать в аэропорту жену Веру, а он так и не принял решение, как отложить исполнение супружеских обязанностей в постели. На душе стало тоскливо. Василий нахохлился, как тот воробей в морозную погоду на люке колодца теплотрассы. Вот уже приходящая докрашена. Проходя в туалет, он запнулся об трёхлитровую банку с кистями. Его ноги обдало брызгами ацетона.

– Мать-перемать, – заматерился Василий.

И сходу вылил содержимое банки в унитаз. Сам стянул штаны вниз и уселся на эту санитарную вазу. Задумался, закурил.

«Что же я скажу Верке? Какой же я козёл. Зачем изменял жене, она же у меня такая хорошая. Она, наверное, соскучилась по мне. Если я заражу её непристойной болезнью, она не простит, наш брак распадётся», – с горечью думал он.

Чтобы стряхнуть пепел, он раздвинул немного ноги, освободив просвет внутрь вазы. Пепел вместе с красненьким огоньком горящего табака полетел вниз в унитаз... Раздался хлопок. Зарево от воспламенившихся паров ацетона огненными клубами охватило всю поверхность бёдер и ягодиц. В нос ударил резкий запах опалённых волос. Огненная гиена пробежала несколько раз по его греховному органу и мошонке. Вырвавшись на свободу, она сквозь его расставленные ноги, как из огнемёта, опалила вдобавок ещё и усы, и щегольскую бородку. Василий свалился на пол и потерял сознание.

– Да, акт депиляции прошёл успешно, – смеялась над Василием Семёновичем медсестра Настя из железнодорожной больницы. Она своими нежными руками наносила заживляющую мазь на опалённые и покрасневшие поверхности кожи.

– Доктор, мне завтра встречать жену. Она прилетает на самолёте в 14 часов. Ой, а я буду жить? А, а, а репродуктивная функция будет работать? – суетился Василий. – А, а, а заражения крови не будет?

– Всё у вас, уважаемый, будет работать. Ничего не отгорело и не отвалилось. Настя вам всё продезинфицировала: и то, и, хм, и это, так сказать. Подкоптились да подрумянились немного ваши бугорки да отростки, а в целом ничего опасного для жизни нет. Через месяц, думаю, заживёт, – успокоил пациента Николай Алексеевич Наумов, главный врач железнодорожной больницы.

– Вот и анализы заодно сдадим, целый месяц свободы от секса. Чё разлётся-то? Настя понравилась, что ли? Ах ты кобелино! С обгоревшими мудями, но всё равно на девушку таращишься. Вставай уже, поедом домой. Завтра Веру встречать. Всё обойдётся, всё будет хорошо. Скоро будешь любить свою собственную жену по полной программе, – заботливо проворковал Сергей.

И они вместе пошли на выход. Василий прихрамывал, ноги нараскоряку. Но он шёл сам в своё непорочное будущее. Такой урок и такие переживания вмиг переворачивают сознание.

Происходит переоценка ценностей. Василий не обижался на друга, он понимал иронию и ценил его заботу. И правда, всё обошлось.

Воробьи уже не казались Василию такими угрюмыми. Они весело чирикали и дрались за хлебные крошки, которые чья-то заботливая рука насыпала на крышку колодца теплотрассы. Жизнь продолжалась.

Деревенская экзотика

– Гена, – сказал при очередной встрече друга Дживан, – выложи свой мультитон, чтобы по работе не беспокоили. Мы поедем с тобой к моим бабам. Ты меня своими подругами в прошлый раз сильно порадовал. Анжелу до сих пор забыть не могу. Я же тебе предложу на угощение нечто необычное. Ты такого ещё наверняка не встречал. Это полная экзотика. Секс нетрадиционный. Не забудешь никогда.

– Ты чё, Дживан, рехнулся, что ли? У нас за нетрадиционный секс статья в Уголовном Кодексе. Ну, за мужеложство... Ты же сам раньше в милиции работал, должен об этом знать. Да и не люблю я всё нетрадиционное.

– Геныч, ты за кого меня принимаешь? Я тебе про секс с необычными бабами говорил, а ты какую-то херню в своём воображении построил. Короче, едем, а на месте по обстановке ориентируемся.

«Никак Дживан с негритянками или индианками договорился», – подумал Геннадий. В интернациональных студенческих строительных отрядах, которые летом приезжали в Усть-Илимск, можно было встретить разных цветных девушек.

– Хорошо, на месте разберёмся. Лады, поехали.

Запорожец запыхтел, и молодые любвеобильные парни отправились в новое приключение. В деревне Невон они остановились возле покосившейся ограды. Экзотика началась.

Тут же рядом уже стояли два автомобиля – Волга и уазик. Как-то не вязалось наличие двух авто у этого дома-развалюхи. Дживан пихнул ногой калитку, она со скрипом открылась. Взору парней предстала такая картина.

Два мужика молча и пыхтя бились смертельным боем. Оба они были пузатые. Галстуки на животах параллельно земле. Морды красные, озверевшие. Они налетали друг на друга, прижимались огромными животами и пытались пухлыми кулаками зафитилить друг другу по морде. Но толщина обоих животов была больше, чем длина руки, и удара не получалось. Они пыхтели и кряхтели, иногда громко пощёлкивая. Со стороны это выглядело как бой бегемотистых петухов. Оказалось, что это два начальника из местных приехали за любовными утехами к своей общей секс-партнёрше, и никто не хотел уступать место у эротической бездны сладострастия.

Тогда Дживан достал из сумки фотоаппарат. Правда, он был без плёнки, да и его корпус был треснут и раздавлен в прошлом лесном сексуальном приключении. Короче, фотоаппарат был неисправен. Но бойцы-пузанчики этого знать не могли.

– Прошу улыбнуться, сейчас вылетит птичка, будет хороший снимок для газеты «Усть-Илимская правда», – бодро произнёс псевдокорреспондент, обращаясь к дерущимся мужикам.

Эффект был молниеносным и удивительным. Бегемотики тут же бросились наутёк со двора, обгоняя и толкая друг друга. Затарактели моторы их автомобилей, и наши парни остались один на один с ожидаемым приключением. Никто им уже помешать не мог. Вот они входят в дом. Дом по-деревенски уютен и чист. За столом сидят две экзальтированные дамы бальзаковского возраста. На столе стоят: четверть с мутным самогоном, солёные огурцы, грибы и кастрюля с дымящейся с пылу с жару картошкой.

Геннадий стал разглядывать деревенских красавиц сестриц. Серафима, или ласкательно Сима, была одета в ситцевую ночную рубашку. Её груди висели сосками вниз. Когда-то эти

дыньки были упругими, а сейчас они выглядели переспелыми, сморщенными и дряхлыми. Но личико её было лоснящимся, пышущим здоровьем. Глаза красные то ли от перепоя, то ли от недосыпа. А так вроде ничего. Если много водки выпить, то, может, у кого и встанет на такое создание. «Не, я столько не выпью», – про себя подумал Геннадий.

Мысленно он назвал Симу – Херосимой (от Хиросимы – мирного японского города, подвергнувшегося вместе с городом Нагасаки атомной американской бомбардировке 6 и 9 августа 1945 года). Её подругу Клавдию Гена сразу окрестил – Нагасака. Она была немного моложе и тоже одета в ночную рубашку. Через тонкий ситец её обвисшие груди напоминали наволочки без подушек. Лицо добродушное, деревенское. Глаза небесной голубизны. Очень смешливые и задорные.

– Чё, пацаны, побухаем малость? – предложила Херосима.

– Дживан, чё-то твой кореш какой-то смурной. Он чё, женатый, что ли? – включилась в беседу Нагасака.

– Не, девки, он командировочный, есть такой промежуточный статус. Он находится между холостым и женатым, – пошутил Дживан.

Девчонки дружно заржали. Налиты полные стаканы самогонки, и пошла плясать вся Ивановская, точнее Невонская.

Сима с Клавой на удивление оказались хорошими собеседницами с чувством юмора. Тосты лились ручьём, а самогонка рекой. Через некоторое время наши парни изрядно окосели. Херосима и Нагасака уже не казались Геннадию страшными. Они вроде стали – ничего себе! – даже красивыми.

Когда разогрев был достаточным и не перешёл ещё в состояние полного нестояния, Дживан предложил:

– А почему бы народу не заняться развратом?!

– Молодец, Дживан, ты настоящий мужик, – игриво заворковали Сима с Клавой.

– Тогда предлагаю девчонкам занять боевую позу, – как полководец Суворов, скомандовал своим войскам Дживан.

Девчонки развернулись и встали рачком на огромной кровати. Задрав ночные рубашки, они обнажили свои прелести, находящиеся в полной боевой готовности.

У Генки начала кружиться голова. «Ой, а смогу ли я?» – понеслись мысли у опьяневшего парня.

– Геныч, ну, давай уже начинай, – кричит другу Дживан.

Он уже пристроился и по полной программе запустил сладострастный процесс с Симой.

– Клава, помоги мне начать, я немного разнервничался.

– Ну давай своего красавчика, вводи.

– У меня не получается, он гнётся.

– Ты главное всунь, а там уже мои заботы.

– Да не лезет он, гнётся гад.

– Ухвати его у основания, да покрепче, а теперь суй. Вот, вот, ещё, ещё, молодец, вошёл, теперь руку свою отпускай, пусть он расправится во всей красе. Так, так, хорошо. Ой! Ты чё его так резко весь всадил? Ты же меня проткнёшь, окаянный. Остановись, я сама всё буду делать. Слышишь? Сама! – кричит Клава.

Геннадий остановился, он перестал делать возвратно-поступательные движения. Клавдия взяла всю инициативу в свои руки, вернее в свою эту, ну, вы понимаете. Генка поплыл. Клава мастерски сжимала свои интимные мышцы. По Генкиному дружку стали пробегать импульсные сдавливающие волны. Они то поочерёдно сжимали головку, то, динамично продвигаясь, массировали основание члена.

Гена забыл обо всём. Он оказался во власти этого незабываемого волшебного процесса. А Клавдия чутко ощущала, когда её партнёр начинал ослабевать. Тут она прикладывала колдовские усилия и запускала новый ритм вибраций, реанимируя друга.

«Вот тебе и Нагасака, это же надо так здорово владеть своим телом, своими мышцами. Теперь догоняю, почему два бегемота дрались за право оказаться на вершине блаженства. Как же мне хорошо. Как я счастлив от нахлынувших на меня чувств», – думал, наслаждаясь, наш герой.

Дживан испытывал аналогичные чувства, его Серафима была не менее опытной и искусной. Потом, когда процесс закончился, а закончился он только тогда, когда этого захотели женщины, наша компания опять ударилась в пьянку.

«Странное дело, – думал Геннадий, – я мог заниматься сексом сколько угодно, я не чувствовал усталости. Мой дружок, руководимый этой милой знойной женщиной, был неутомимым. Какой же огромный потенциал кроется в интимных отношениях. Какой же он безграничный, что ты не перестаёшь открывать всё новое и неизведанное для себя. Да, видимо, „Камасутра“ – не просто экзотическая книга, не просто позы, не просто картинки соития, а целая философия. А любая женщина, независимо от красоты, является отдельной Вселенной в этой философии. Когда Дживан рассказывал мне о своих не очень поэтичных приключениях, я видел, как глаза его светились огнями воспоминаний из этих уже забытых Вселенных, которые ему пришлось бороздить на своём космическом корабле. Слушая его, я начинал понимать и тех распетушившихся бегемотов. Для них, грузных и неуклюжих мужчин, такое сексуальное обслуживание было особым кайфом. Лёг, пристроился сзади к этому источнику наслаждения, главное, надо было напрячься только один раз – воткнуть... А потом включался насос-тиски природного доильного агрегата. Лежи себе и утопай в удовольствиях. Оргазм за оргазмом. А ещё ощущай себя неутомимым любовником, мачо. При этом с непрекращающимся стояком. Как же тут не разодраться за приоритетное обладание таким богатством. Нет, без драки никак нельзя».

6. Женские измены и утехы

Приключения царицы Тамары

Тамара Арапская была молодой усть-илимской красавицей. Когда она шла по улице, мужчины оборачивались, чтобы полюбоваться её фигурой. Её, синеглазую и русоволосую, подруги за глаза называли – Царица Тамара. Ей завидовали, распускали сплетни. А судачить было за что. Тамара любила своего мужа Григория. Но он периодически уезжал в тайгу. Работал мастером в объединении «Илимлес» на заготовке пиловочника, и вахтовый метод работы для него был обычным делом. Григорий пахал, добывал деньги для семьи, а Тамара дома возилась с двумя их маленькими сыновьями-погодками – Кириллом и Евгением. Когда детки подросли, Тамара частенько передавала их своей маме. Бабушка души не чаяла в своих внуках. А у Тамары высвобождалось время для занятий собой в спортзале, плавательном бассейне, в парикмахерской и т. д. В соседнем доме на первом этаже девятиэтажки жил друг её начальника Иван Говорунов. Проходя мимо, Тамара часто слышала песни под гитару, весёлый смех. Происходящее в этой квартире со временем стало завораживать сознание молодой девушки. А тут ещё Говорунов сказал, что познакомит её со своим другом. В вынужденном одиночестве Тамара начинала грезить эротическими образами. Мужчины в сексуальных фантазиях клялись ей в вечной любви, их ласки заставляли просыпаться и вскакивать по ночам. Она, вся разгорячённая, вставала, забирала к себе в постель спящих сыновей и любовалась ими до утра.

Однажды возле своего подъезда она встретила Ивана Говорунова. Был вечер пятницы, или пятницу-тяпницу (так ещё шутили парни).

– Тамара, если хочешь, приходи сегодня к восьми часам вечера, будут мои друзья, можно весело провести время, – Иван широко улыбался.

– Хорошо, к вечеру пристрою детей к маме, и на все выходные я свободный человек. Мой благоверный на вахте.

– Буду ждать, только приди немного пораньше, поможешь мне с готовкой на кухне.

Дружеская гулянка

И вот у Ивана на кухне обалденная по своей красоте помощница. Все нехитрые закуски готовы, начали подтягиваться гости.

– Кушайте, гости дорогие, для вас ничего не жалко, всё равно выбрасывать! – похахатывал Говорунов.

Петя Багренко привёз с собой гостя из Иркутска – Павла Ильинского. Он начал финансовую проверку в Усть-Илимском горкоме, опечатал все сейфы, ключи забрал с собой. Пете, как члену бюро горкома ВЛКСМ, поручили оказывать внимание проверяющему. Так тот и оказался в весёлой компании. Пили, веселились, но какое-то внутреннее напряжение не пропадало. Должность ревизора, проверяющего как-то не вязалась с романтикой отношений, не встраивалась в дружественную атмосферу компании. Негласно было решено Павла спойть. Произносились тосты, отказываться от выпивки они просто не позволяли, не допуская даже мысли об их игнорировании. Разве можно не выпить за Родину, за красивых дам, за любимых мам? Юрий Попов, по обыкновению, предложил восьмой тост за отцов-победителей, освободивших нашу страну от супостатов. Не выдержала после долгой дороги на перекладных душа ревизора. Он самолётом в 6 часов утра вылетел из Иркутска в Братск, потом несколько часов ехал, добирался на попутных автомобилях в Усть-Илимск. Приехать хотел инкогнито, без уве-

домления, с внезапной проверкой. Вот и разморило бедолагу. Павел начал клевать носом и чуть не уснул в тарелке с салатом оливье.

Парни доставили обмякшее тело бойца финансового фронта на кровать в маленькую комнату – спальню панельной «двушки». Но ключи от сейфов, которые ревизор опечатал, из карманов его пиджака забирать не стали. Петя сказал:

– Сам отдаст по доброй воле, и никакого насилия. – Затем он обратился к Тамаре: – Том, я тебя попрошу приколоться немного.

– А что мне надо делать для этого? – с недоумением и нескрываемым любопытством поинтересовалась Тамара.

– Разденешься догола. И в таком виде ляжешь на пару часиков с проверяющим в постель. Пока он не начнёт одыбываться. Я, типа, потом вас застукаю за разворотом, и все дела, – продолжил Пётр.

– Да как такое можно предложить? У тебя что, Пётр, крышу снесло от водки, что ли?

– Ничё у меня не сносило, я в трезвом уме и ясном сознании. Просто прошу тебя, Томка, помочь горькому, нет в этом ничего плохого.

– Да он же, Паша этот, в пиджаке и брюках, как с ним лежать-то голой?

– Лежи, да и все дела, твоя роль простая – искусительницы, значит.

– А чё мне за это от горькома будет?

– Грамоту Почётную Ленинскую выпишем, на доску почёта твою фотку повесим, – начал шутить Пётр.

– Ну ладно, что только за любимый горьком не сделаешь, – и Тамара пошла в спальню.

В это время через открытую балконную дверь послышался металлический звук удара. Это грузовой москвич-шиньон, так его ещё называли, врезался задней частью своей будки в нашу лоджию. Через несколько мгновений взгромоздившийся на крышу будки водитель спрыгнул к нам в квартиру в нашу компанию. Эдакое пьяное пришествие блудного главного инженера одного из СМУ со строительства города Усть-Илимска.

Все начали дружно приветствовать Ивана Ивановича Веретенина.

– Ванюшка, дорогой, привет. Ты никак с неба явился, наш друг любимый?!

– Наливай, – доброжелательно зарычал Иван Иванович.

Пьянка продолжилась в обновлённом составе участников.

Потом послышался звонок в дверь. Пришёл в гости с работы Александр Иванович Стародедов. Выпивки и закуски море, лица друзей светятся улыбками, процесс набирает свой ритм. Ритм дружеского и бесшабашного веселья.

В спальне в уединении обнажённая Тамара залезает под одеяло и накрывает его краем свернувшееся в калачик тело ревизора Павла. Тот постепенно пригревается, расслабляется и вытягивается в непринуждённой позе. Тамара в первый раз в жизни голая лежит в постели с посторонним мужчиной. Она выполняет важное задание. Правда, зачем ей этот цирк, до конца не понимает. Павел в пьяном угаре не осознаёт где он, с кем он. Он вообще ничего не соображает, так как охвачен простым алкогольным сном, который сродни бессознательности.

«Интересно, а срабатывают ли рефлексы у мужчины в таком состоянии?» – начинает размышлять Тамара.

Она берёт руку ревизора, кладёт её на свою грудь и начинает прислушиваться, последует ли реакция Павла на такое прикосновение его ладони. Тамара твёрдо знала, что многие мужчины пламенно желали ощутить свою руку именно там.

Но Павел почти не реагировал. Он только во сне стал немного причмокивать губами. «Вот блин, лучше бы сосочки мои губками своими почмокал», – подумала Тамара.

Другую руку проверяющего она кладёт вниз живота себе на лобок.

«Может, здесь начнёт своё исследование проверяющий? Это тебе не железный сейф, от которого ты забрал ключи. Это место ещё не знало других мужчин, оно принадлежит мне и моему мужу», – про себя произносит Тамара.

«Ха, скорее всего, это моё место, оно мне принадлежит, – продолжает думать красавица. – Энергетический контур его рук замкнулся через мои интимные места. Сейчас Павел, наверное, начнёт трезветь и набросится на меня в порыве страсти».

Но ни порывов страсти, никакой другой активности не последовало. Тогда Тамаре стало скучно, ей захотелось побыстрее встать и уйти. Но не выполнить важного поручения и сбежать она не могла. Чтобы ускорить процесс и приблизить развязку, она рукой нащупала замок на ширинке брюк Павла. И вот его дружок оказался в руках Тамары.

– Просыпайся, мой дорогой, надо вставать, прошло уже почти два часа, – шепчет девушка.

Но ни дружок, ни сам хозяин вставать не хотели. Тамаре припомнился анекдот, и она стала хохотать во весь голос.

«Женщина во мраке подъезда своего дома обнаружила лежащим на полу пьяного мужчину. Лампочки разбиты. Как опознать? Может, это её муж. Она расстёгивает ширинку и щупает.

– Слава Богу, не мой.

Звонит соседке в квартиру.

– Ирка, проверь, может, твой там валяется.

Та щупает.

– Нет, не мой. Давай у Нинки из пятой квартиры спросим, может, её?

Нинка, пощупав, говорит:

– Нет, этот даже не из нашего подъезда».

На звуки смеха прибежал Пётр Багренько. Он сдёргнул с «места преступления» одеяло. При этом Павел, проснувшись, открывает глаза. Его причиндалы в руках у обнажённой девушки. Они вдвоём лежат в постели.

«Какой кошмар, – думает Павел. – Если меня заложат, то за аморалку последует исключение из партии. Бюро Иркутского горкома КПСС к таким безнравственным поступкам относится предельно строго. Как же так, из-за моего конца... Конец моей карьере, жизнь рухнула. А жена, как отреагирует она... Разрушится семья... У моих детей будет безотцовщина...»

Эти мысли как ураган пронеслись в голове ревизора. Он моментально протрезвел и стал покорно ожидать дальнейшего развития событий.

– Павел, ты чё здесь развалился? Горком уже два дня нормально работать не может, – нахально преувеличивал период Пётр.

Он по своему опыту знал, что в такой ситуации пьяного пробуждения мужик не осознаёт течение времени.

А если твой член в руке красавицы и перед тобой реальная перспектива жизненного коллапса за аморалку, никакого мироощущения нет вообще.

– Пашка, давай ключи от сейфов, похмеляться надо, а деньги там закрыты.

Голос Петра звучал дружелюбно, в нём чувствовались понимание ситуации и интонации сострадания. Павел моментально соскочил с постели и протянул Петру связку ключей, вынутую из потайного кармана пиджака. Тамара оделась, и они все вместе вернулись к дружественному столу.

– Не бзди, Паша, всё будет нормально. Акт проверки уже почти готов. Подвезём тебе первичные документы для отчётности, и все дела. Давай лучше бухать, – успокаивает Пётр.

Голубые глаза Павла смотрели на Петра сквозь толстые стёкла очков понимающе и с надеждой. А в итоге, забега вперёд, расскажу, что Павла стали разыскивать из обкома комсомола. Ему срочно надо было лететь в ЦК ВЛКСМ за назначением на высокую должность.

Усть-Илимск был почти для всех хорошей закалкой и хорошим предзнаменованием в карьерном росте.

Пьянка разгорелась с новой силой. Потом Иван Иванович Веретенин умудрился уйти из дружеской компании тем же маршрутом, что и пришёл. Ему пытались помешать, но он здоровенный буйвол. Против такого не попрёшь. Смогли в этом убедиться и милиционеры, которые задержали пьяного водителя и препроводили его в медицинский вытрезвитель. Эта история разгорелась на следующее утро. Здесь пришлось подключать возможности любимого горкома комсомола. Первый секретарь лично поехал к начальнику РОВД.

– Иван Дмитриевич, такое дело, наш наставник, строитель, попал в вашу юрисдикцию. Помочь надо, однако, выручить.

– Хорошо. Иди, Сергей Алексеевич, забирай нарушителя. Только потом зайди ко мне. Надо по возмещению ущерба поговорить.

Оказалось, что Иван Иванович сильно обиделся на задержание и ограничение свободы передвижения. И начал по простоте душевной в революционном порыве прокладывать себе дорогу для высвобождения на волю. Для чего он вырвал плиту нар изолятора, на которой лежали посетители данного заведения. Всех их построил вдоль стены. А сам этим инструментом начал крушить всё вокруг. Разбил стены, батареи отопления, выбил дверь в камеру.

Короче, ночь в милиции походила больше на Варфоломеевскую.

Правда, восстановление повреждений и ремонт были впоследствии выполнены качественно и молниеносно. Начальник РОВД был рад в большей степени этому обстоятельству, я имею в виду долгожданный ремонт. О самом инциденте он вспоминал уже с улыбкой.

По этому поводу я даже написал зарисовку в стихотворной форме, которая была опубликована в местной газете спустя некоторое время:

Сапоги дорогу знают.

Многотиражная газета «Лесохимик Усть-Илима» №35 (379) 29 августа 1985 года.

Уголок поэзии, стр. 4.

Последнее усилие напряги:
Ещё стакан, ещё – и вот...
«Домой дорогу знают сапоги», —
Со знанием дела говорит народ.
Я из пивнушки шёл, не ведая дороги,
Мозги гудели, словно варочный котёл.
А сапоги вели, и им послушны ноги,
Но только ветер чуть с пути не смёл.
Вот что-то отказало, я споткнулся.
Потом как будто бы упал.
Наверно, спал, ну а когда проснулся,
Поэт какой-то в сумерках страдал.
Он говорил, что мы не так плохи,
Что похмелиться надо бы теперь.
И с пафосом, кляня судьбу, читал стихи.
А после бился головою в дверь.
Он скрежетал зубами и, рыдая,
Орал, что его муза на мели,
Что до сих пор нет в городе трамвая...
Потом его куда-то увели.
Ну и дела, как угораздило меня?

И кто же мой таинственный спаситель?
Жду вспышек памяти, волненья не тая.
Ответ простой – я посетитель...
Эх, жизнь, романтика моя!
Теперь моя обитель – вырезвитель!
Да что там, разве это дело...
Клуб путешествий – ерунда!
Сравниться может вырезвитель смело
С собранием эрудитов без труда.
Поэтом нас не удивишь.
Со мною на клеёночке водитель,
А слева, затаившийся, какмышь,
Лежит, наверно, инженер-строитель.
Не веришь? Подойди – поговоришь...
Сосед мой улыбался, он болтать любитель,
Не сожалея о потерянных часах,
Все удивлялся: рядом с ним – руководитель!
И оба ведь, как равные, в трусах.
Перезнакомившись, мы долго рассуждали
(Хоть кровь с похмелия стучит в виски).
О том, чтоб негров в США не обижали,
Чтоб нео взяли бы в тиски...
Я за ночь столько разного услышал:
Про информатику, про наш XX век!
Бутылки сдам, и телескоп установлю на крыше,
Теперь я современный человек.
И мысли у меня всё выше, выше...
Ты, лейтенант, меня не стереги.
За то, что пил вчера с Петровым Мишей,
Спасибо, дорогие сапоги.

Но это было потом, а сейчас опять вернёмся в квартиру Ивана Михайловича Говорунова. У Тамары горели руки от прикосновения к интимному месту мужчины. У неё начали загораться глаза от желания полноценного контакта с противоположным полом. И ей в этот вечер в полной мере удалось воплотить свои фантазии в реальности. Её скромные сексуальные познания наполнились новым опытом эротического искусства. В дальнейшем с каждой своей изменой мужу она всё сильнее начинала любить своего супруга. Как-то странно это получалось.

Когда муж приезжал с вахты, она ухаживала за ним, сдувала с него пылинки, старалась угодить во всё. В этот момент в их доме происходила акция торжества супружеской любви. В мыслях она ругала себя за греховность. Вслух признавалась в любви мужу. А когда он снова уезжал в тайгу, всё повторялось.

Крыша поехала

Однажды Тамара пришла домой, и удивлению её не было предела. Её муж Григорий ловко орудовал пылесосом, а сыновья Кирилл и Женя носились с тряпками и протирали пыль, убирали грязь. Тамара села на диван и с изумлением и любовью стала наблюдать за своими мужчинами. Она любовалась ими и радовалась: какие у неё хорошие помощники. Гриша смеялся, а малыши при этом звонко щебетали, как воробышки.

Вдруг в глазах Тамары потемнело, блаженное состояние сменил нарастающий гнев. Кровь застучала в её висках. Злая чёрная жаба стала прыгать, растаптывать её сознание, при этом злобно квакая: «Это, наверное, Гришка вместо выезда на вахту кувыркался где-то с блядьми. А тебя хочет замаслить как бы своей заботой».

– Нет, меня не проведёшь. Знаю я такие штучки-приёмчики, – Тамара начала немотивированно орать во всё горло, топая ногами.

Потом со всего маха разбила о пол свою любимую вазу, которую ей на свадьбу подарила мама. Затем она разразилась рыданиями. И, хлопнув со всей силы дверью, выскочила на лестничную площадку. Куда она неслась, Тамара не соображала. Благо, её смогла перехватить её подруга Ольга – соседка по площадке. Она силой затащила потерявшую рассудок Тамару к себе в квартиру.

Дала ей попить воды и усадила на кухне в кресло.

– Томка, что случилось? Рассказывай, облегчи душу.

– Мой, мой Генка мне из-из-изменил, – всхлипывала Тамара.

– С чего ты это взяла, Томка? Поясни.

– Он, он вместо ва-ва-вахты в тайге фе-фе-фестивалил с бля-бля-блядьми, – вырвалось из груди убитой горем Тамары.

– Ну ты, Тамара, полная дура. У них был на лесной деляне конкурс профессионального мастерства лесорубов. Интернациональный, между прочим, его горком комсомола организовал.

– Чё ты мне врёшь, Ольга? Я же сердцем чувствую, что теряю своего Гришку.

– Другим ты местом, наверное, чувствуешь и свою вину на мужа перекладываешь, дурёха ты моя. На, погляди на фотографии, сделанные на этом конкурсе. Вот ещё и газета пишет о нём. Наша, местная. И дата – вот посмотри. А вон на фотке первый секретарь горкома Сергей с Гришей и Петька наш Багренко, смотри, ты же не слепая.

«Неужели это так? Какая же я дура... Теперь горком мне пришёл на помощь, чтобы разрушить мою дурь», – подумала Тамара

Тамара смотрела и начинала плакать ещё громче. Но в её всхлипывании уже чувствовалась не горечь и страдания, а совсем другие ноты. Это был плач облегчения.

Инструкция о том, как правильно пользоваться сиськами

– Томка, твой Григорий любит тебя, это на все сто процентов! Я это не только вижу, я это доподлинно знаю.

Ольга продолжила свою мысль:

– Когда мы только вселились в наш дом-новостройку, я ещё не знала ни тебя, ни Григория. У нас ещё не родились дети. Так вот, заходим мы в лифт с молодым человеком, это был твой Гришка. А как проверять мужиков на блядовитость, ты знаешь, Томка?

– Нет, не знаю, открой завесу, Оль.

– Слушай, подруга, внимательно. Нужно прислониться к мужчине своей грудью сзади. При этом у мужиков может быть только две реакции: либо отстранится, либо будет стоять и балдеть, другого не дано. Так вот, если он отстранился, то может быть тоже всего два расклада: либо ты ему не интересна и у него есть своя женщина, либо это ещё не объезженный мустанг и у тебя есть шанс его приручить.

– А если он не отстранился, тогда чего? – заинтересовалась Тамара.

– Тогда тоже всего два варианта: либо он конченный импотент, извращенец и иным легкодоступным способом получить удовлетворение не может, либо он тобой заинтересовался и наверняка захочет продолжить общение. Ещё прикольно осознавать, что у парня возникает эрекция! Он портфелем или руками старается прикрыться. Просто умора. А из этого следует

главный вывод, – заключила свои рассуждения Ольга, – надо правильно уметь пользоваться своими сиськами. Они заменяют все слова, они творят волшебство. Если мужчина не отпрянул после твоего прикосновения титьками к его спине, ты начнёшь чувствовать его реакцию, ты будешь ощущать это.

– Не поняла я что-то. Чем буду чувствовать? Сиськами, что ли? – засомневалась Тамара.

– Нет, чувствовать ты будешь головой и сердцем, ясно дело. А сиськи – это наш инструмент общения на тонком уровне.

– Ага, если ты сама тонкая и все твои сисечки – это одни сосочки, – сыронизировала Тамара.

– Да ну тебя, Томка, не играет большой роли их размер, а сосочки – это главный импульсный генератор эротической энергии, – подвела итог своему научному экскурсу Ольга.

– А как на твой «генератор» отреагировал мой Гришенька? – заинтересовалась Тамара.

– Отпрянул, не оставив мне и тени надежды. Более того, однажды я выносила в тазу бельё для сушки во дворе. Халатик был одет на голое тело. Вместо пуговиц он запахивался и фиксировался пояском. Так вот, поясок случайно развязался и упал в лифте на пол. Я стою перед Григорием почти голая и ничего поделать не могу. В моих руках огромный таз с бельём.

– Ой, какой ужас! И что мой Гришенька?

– Что-что, поднял пояс с пола, запахнул мой халат и завязал его. Мне даже немного обидно стало. Мог бы таз с бельём подержать. Я бы сама с халатиком разобралась. А он молодец, он тебя, Томка, любит. Такой любви можно позавидовать.

– Да, я представляю такую картину, – задумчиво произнесла Тамара. – Мой Гриша, наверное, не захотел, чтобы у тебя руки освободились. Вдруг ты бы с халатиком разбираться не стала. А у него руки тазом с бельём заняты. Как отбиваться-то от возможного домогательства? От ручёнок твоих шаловливых, – Тамара заулыбалась.

– Не, чё ты, Томка, я ничего не хотела предпринимать. Я просто не стесняюсь показать своё красивое тело. А в пикантной ситуации это как-то завораживает. Волшебство какое-то, и трепет наполняет сознание. Такой безобидный и пикантный прикол. Нет, Гришка твой ни-ни, не поддающийся. Это точно!

Молодые женщины обнялись и начали громко плакать уже вдвоём.

Откровения об изменах

– Оль, а ты мужу часто изменяешь? – сквозь всхлипывания, надеясь на солидарность, спросила Тамара.

– Что значит часто? Бывало или нет, могу сказать твёрдо – бывало. Только ты ни-ни, никому, ладно, Томка? – начала откровенничать Ольга. – У меня бывали всплески влюблённости в других мужчин. Они ярче проявлялись, когда мы с мужем ругались, были в контрах. Но в постель я ложиться с ними боялась. Но бывали и исключения. Мы ведь как рассуждаем: нам-то можно немного разбушлатиться, если никто не узнает, а мужикам нашим ни-ни, нельзя.

– Это точно, Оля! Если бы я узнала, что мой Гришка бляданул, я бы той шмаре все волосы выдрала, и не только на голове, – засверкала воспалённым взглядом Тамара.

– Вот, вот, а теперь представь состояние жён тех парней, с которыми ты позволила себе покувыркаться в постели. Если бы они о тебе узнали, ты бы уже многократно лысой была, полностью причём, – хитро заулыбалась Ольга.

– Ой, а я об этом как-то не задумывалась даже, – насторожилась Тамара.

– А что тебя толкало-то на измены, скажи мне, Томка?

– Ну, у каждого человека должно быть личное пространство. Я вот красивая очень. Мужики начинали делать мне комплименты, приставать. Не скрою, было безумно приятно. Я

и рада бы им всем отказывать, но Гришка на вахте неделями... Какая-то коварная фея во мне отдавалась этим мужчинам, а я вроде бы была верна своему мужу.

– Да, загнула ты философию, Томка. Значит, это не ты и не наяву, а в каком-то абстрактном личном пространстве. Какая-то фея предавалась любовным утехам, раздвигала ноги, сисечки подставляла для ласки, ротиком своим упражнялась? Крутая формула получается, – стала разбирать ситуацию по полочкам Ольга. – А ты когда-нибудь задумывалась о том, что у мужа твоего в личном пространстве только ты, да сыновья, да ещё лесная доля, чтобы деньги в семью приносить? – отчеканила Ольга.

Томка ничего не ответила, только опять громко заплакала.

– Оля, я от тебя сочувствия и сострадания жду, а ты меня как поп на исповеди тиранишь, – начала жаловаться Тамара.

– Да о попах не надо, однако. Был у нас тут в Усть-Илимске один священнослужитель. Я к нему исповедаться пришла, чтобы он выслушал меня да грехи отпустил. Изменила я мужу по сумасшедшему наваждению. А он, козёл, меня слушал, да на мои упругие груди свои персты положил. Сзади пристраиваться начал. Свой божий леденец из штанов достать норовил. Еле убежала от этого нахала. Потом его куда-то перевели по службе. Попался он на деле неприглядном. В подвале строящегося храма разливочный подпольный цех братва организовала. Из низкосортного технического спирта водку на продажу бодяжили.

– Вот, если святой отец не святой, то с меня-то какой спрос? – подхватила тему Тамара.

– Да ладно, не оправдывайся, я ведь свой человек, не выдам и не предам. Только скажи мне, пожалуйста, как бы отреагировал твой Григорий, если бы, не дай Бог, узнал об измене? – спросила Ольга.

– Ой, боюсь даже о таком подумать. Он, наверное, ушёл бы от меня. Тихо и молча. Такую рану вряд ли смог бы перенести. Ведь он верит мне. Любит меня.

Молодые женщины опять горько заплакали, думая каждая о своём.

Возвращение Тамары домой

Когда они проплакались, вдоволь наболтавшись, Ольга отправила Тамару домой: «Наводи мир в своём доме сама. Женщина – хранительница домашнего очага. Извинись за истерику, тебя простят».

И Тамара перешагнула порог своей квартиры. Дети играли в машинки, они успокоились, но к маме навстречу не выскочили, как это бывало обычно. Григорий сидел, наклонив голову, за кухонным столом. На столе стояла початая бутылка водки. Вид у мужа был жалкий, какой-то скорбный и неухоженный. Он сидел сторбившись и никак не реагировал на появление жены. Тамара подошла к нему сзади, прижалась. Шея и голова мужа оказались между грудей дрожащей от волнения супруги. Тамара стала нежно целовать в лысеющую макушку своего любимого мужа. Из её глаз ручьём побежали слёзы. Они солёным одеялом покрывали её груди и голову Григория. Потом начали литься слова Тамары, они были тёплыми и нежными, как слёзы. Слова обволакивали супругов, делая их неразрывным единым целым.

– Гришенька, дорогой, прости меня за всё. Я незаслуженно обижала тебя. Я сегодня повела себя как последняя дура. Не знаю, что на меня нашло. Но я исправлюсь, я обязательно исправлюсь. Я больше жизни люблю тебя и наших мальчиков.

Григорий слушал, и из его глаз тоже текли слёзы.

«Какая у меня умная и красивая жена. А что, срывы бывают у всех. Но не все умеют признать свои ошибки и раскаться. Не все умеют так любить», – думал Григорий.

– Тамарочка, солнышко моё, извини и ты меня. Наверное, это я виноват, что вывел тебя из равновесия.

– Ни в чём ты не виноват, мой любимый, это я, только я.

– Я очень люблю тебя, моя дорогая жена, и мальчиков наших.

Из детской стал доноситься громкий смех. Мальчишки чутко ощущали атмосферу в доме, и они задавали новый ритм жизни.

Ритм счастья и любви.

Опять я призадумался, как после предыдущего рассказа. Вот, может, и мужикам надо было бы почин принять между собой: «Чужую женщину – ни-ни. Сплю только со своей женой». И опять почему-то смешно стало. Мысль-то хорошая, только задача неисполнимая, однако. Почему-то сложилось так, что в сознании большинства ответственность за сохранность семейного очага лежит на женщине. Она и должна удерживать мужа в семейном лоне. А гулящую жену и удерживать не надо, пусть катится себе по волнам эротических приключений, жалеть о ней не пристало. Но рассуждения о необходимости удерживать женщину оставим для изысков писательниц.

Вспомнился старый анекдот:

«У африканки спрашивают:

– Как ты отреагируешь, если твой муж тебе изменит?

– Я ему пять сантиметров откушу, – не задумываясь отвечает она.

– А если второй раз изменит?

– Я ему ещё пять сантиметров откушу.

– ... а если он восьмой раз изменит?

– Не, уже не изменит, кому он нужен с оставшимися 25 сантиметрами?»

А ещё в наше время было прикольное стихотворное произведение о том, чем и как разные национальности женщин удерживают мужей: «Немка – питанием. Англичанка – воспитанием. Испанка – страстью. Кубинка – пляской. Полька – лаской. Китайка – лестью. Мексиканка – мезтью. Цыганка – пением. Еврейка – терпением. Азербайджанка – родилкой. Украинка – дубинкой. Негритянка – умением. Гречанка – красотой. Француженка – телом. Американка – делом. Итальянка – шиком. Армянка – криком. Японка – грацией. Русская – парторганизацией».

Последний довод бесспорный. На страже семьи стояла КПСС. За аморальное поведение, к которому относилась супружеская измена, можно было потерять партбилет. На собрании коммунистов изменник мог получить пропесочку. Вылететь с руководящей работы, наконец. Но от этого случаи с амурными приключениями не исчезали. Много в истории человечества примеров борьбы с этими проявлениями человеческой слабости или силы любви, можно и так сказать. Неверных жён камнями забрасывали, до смерти забивали, жгли на кострах. К мужикам снисходительнее были. Ну, это из-за власти мужчин – патриархата, наверное. Однако и к ним, кобелям, порой строгие меры принимались аж на государственном уровне. Наверное, чтобы стабильность была в обществе. Измена жене приравнивалась по тяжести преступления к измене Родине. Имущество преступника перераспределялось в пользу обманутой жены. Но количество грешников не убавлялось.

Всё-таки в этом грехе, наверное, есть какая-то божественная искорка. Нет, не как в таком грехе, конечно, а в результате самого процесса соития. Ведь зачастую при этом контакте двух полов может зародиться новая жизнь. Новый человек может прийти на нашу землю. А само явление – рождение новой жизни – нельзя, на мой взгляд, назвать делом тёмным и грязным. Родителей не выбирают. Главное, чтобы родители помнили и могли заботиться о развитии и становлении новой личности.

Бог нам всем судья.

7. Дела семейные

Сантехник Гоша Горбачёв

Шёл февраль 1981 года. По телевизору показывали трансляцию двадцать шестого съезда КПСС. С трибуны вещал старческим заплетающимся языком горячо любимый товарищ Леонид Ильич Брежнев – генеральный секретарь ЦК КПСС. Карина, как молодой специалист, получила отдельную однокомнатную квартиру в усть-илимской новостройке. На новоселье к себе пригласила подругу Альбину. Они подружились с первого дня, сразу по приезду в молодой город на реке Ангаре. Карина была родом из Новосибирска, а Альбина из небольшого прибалтийского города. Наша страна – Советский Союз – была в ту пору мощным государством, хотя уже наметились тенденции застоя. Так потом назвали одну из причин распада великой державы.

Девчонки выпивали понемногу советское шампанское.

Им было хорошо вдвоём. День перевалил на вечер, а вечер стал постепенно уступать свои права прохладной ночи. В Прибалтике уже начиналась весна. А здесь, в северном городе, зима и не думала впускать тепло в студёные и озябшие атмосферные слои воздуха. Но девушкам было тепло. Их сердца были согреты заботой родной коммунистической партии о молодом поколении, а по телу растекалось тепло от шампанского.

– Альбина, я тебя никуда не отпущу сегодня. Резко похолодало. До общаги идти по морозу минут двадцать. А утром от меня гораздо ближе на автобусы на проспект Героев Труда. Оставайся у меня. Я пойду пока приму душ, освежусь, а ты раскладывай диван. Постельное бельё в шкафу. Располагайся, чувствуй себя как дома.

– Хорошо, Карина, меня как раз разморило от лёгкой выпивки. Иди в ванную комнату. Я всё приготовлю сама, не переживай.

Карина пошла принимать водные процедуры, а Альбина стала обустраивать постель. Лёгкие струйки тёплой воды стали ласкать упругое тело Карины. Она расслабилась и стала рисовать в своей фантазии картины любви. Красавица вспоминала, как в институтском общежитии к ней тайком пробирался Саша – её однокурсник. Как они втихаря ласкали друг друга, прислушиваясь к шагам в коридоре: не пришёл бы студенческий контроль с проверкой соблюдения распорядка проживания в общежитии. В женском общежитии после девяти вечера не должно быть ни одного мужчины. За нарушение могли выгнать из общаги и даже отчислить из института. Такие строгие правила были. А за аморальное поведение вообще кранты...

Вспоминая те студенческие времена, Карина направляла струйки из лейки душа на свои груди, потом ниже, ниже. Она вспоминала нежные прикосновения своего Александра и не заметила, как начала постанывать. Тем временем Альбина обустроила постель. Она присела на этот раздвижной диван и стала прислушиваться к звукам, доносящимся из ванной комнаты. В её памяти тоже стали проплывать картины, которые волновали и будоражили её воображение всякий раз, когда она вспоминала о своём парне Кестасе. Девчонки были настроены подобно радиоприёмнику на одну волну. Волну мечтаний и грёз о любви.

Когда Альбина, раздетая, зашла в ванную комнату, Карина её не заметила. В её сознании порхал Саша – бывший любимый мужчина. Он прикоснулся нежно и трепетно к её девичьей груди, целовал её напрягшиеся сосочки. Он обволакивал её своим бархатным голосом. Карина вся трепетала и сторала от желания, от простого, плотского.

– Какая ты красивая, – начала шептать своей подруге Альбина.

А Карине казалось, что она слышит голос Александра:

– У тебя божественная грудь.

- Да, это его, это слова моего Александра.
- От такой линии бедра может съехать крыша.
- Да, это он так говорил.

– Ах, какая у тебя завораживающая киска. Она вся бурлит божественным теплом. Она благоухает, как бутон утренней розы, трепетно распутившийся, встречая восход солнца. Её набухшие лепесточки полны сил любви и восторженного чувства пробуждения от сна. От сна одиночества и тоски.

– Да, да, Сашенька, любимый мой, ты вернулся, ты не смог жить без меня. Я так скучала по тебе, я так тосковала. Ты, ты самый дорогой мой мужчина. Я хочу тебя. Я безумно хочу тебя.

Карина набросилась на своего партнёра. На того, который был в её грёзах. Она была готова зацеловать его с ног до головы. И она целовала. Целовала жадно и нежно. Все скопившиеся и нереализованные её женские чувства начали выплёскиваться наружу. Потом она вдруг стала ощущать, что её руки ласкают не мускулистую грудь Александра, а другую, большую и упругую. Её страстные поцелуи и язычок впиваются не в Сашкин твёрдый нефритовый стержень, а в лепесточки розы, которые находятся внизу живота другой девушки. Её язычок всё пытался раздвинуть эти лепесточки и проникнуть внутрь знойного бутончика своего гостя, обильно орошавшего их волшебной влагой.

И вот уже в ответ её целуют другие губы, и прижимается к её груди не Сашкина колючая от трёхдневной небритости щека, а нежная девичья кожа. Её мысли и чувства в тумане любовного наваждения перепутались, она уже не могла и не хотела ни о чём думать. Она окунулась с головой в сладкий омут страсти и любви.

Альбина, находясь на одной радиоволне с подругой, тоже утопала в любовном водовороте, захлестнувшим и понёсшим её по бурному течению безумия страсти.

– Ой, это мой Кестас так нежно своими тёплыми взволнованными губками втягивает мой розовый сосочек и потом с причмокиванием отпускал его на волю. Давай, Кестас, давай ещё, мой дорогой, ещё.

Её грудь трепетала в огненном восторге. Девушка извивалась, пытаясь впустить в себя парня, чтобы оставить его там навсегда. Она и сама хотела погрузиться в своего любимого и уже не расставаться с ним никогда.

Страсть бурлила, и девчонки не заметили, как уже оказались в постели. Мокрые от воды и безумных ласк, они продолжили любовный марафон на белых простынях. Карина лежала на животе, а Альбина, расположившись сверху, нависала над своей подругой. Она раскачивала свои груди, и те, как упругий маятник, возбуждёнными сосочками чиркали, совершая лёгкие прикосновения, по шее и спине обалдевшей подруги. Такие нежные и воспламеняющие прикосновения очень любил её Кестас. И у Карины тоже кожа покрылась пупырышками. Она стала, как говорят, гусиной. По коже вместе с этими завораживающими прикосновениями стали пробегать электрические разряды.

Потом менялись позы, и уже её губы скользили по лепесточкам розочки Альбины. Её язычок своей шершавой поверхностью прокладывал дорожки по дрожащей и наэлектризованной поверхности промежности. Он периодически нежно и требовательно пытался проникнуть в трепетные отверстия, встречающиеся на его пути. Комнату заполнила энергия эротического восторга. Купаясь и утопая в ней, девчонки исполняли всё новые и новые фигуры высшего любовного пилотажа. Они падали в штопор и совершали мёртвую петлю. Штурман и пилот периодически менялись ролями. Завершающим аккордом была поза 69. Это потом они узнали об этом названии, когда тайны и разные эротические секреты стали доступны широкой общественности в годы перестройки и гласности. А тогда видеомэгнитофонов ещё не изобрели, набраться опыта было негде, «Камасутра» ещё не издавалась. Но головы девчонок как-то интуитивно оказывались напротив цветочков друг друга. И они неистово набрасывались на эти творения природы, как опытные флористы и заботливые ботаники. Каждый миллиметр поверх-

ности лепесточков у каждой розочки был тщательно обработан язычком. А губки всасывали каждый этот участок, видимо, проверяя на зрелость, и с причмокивающим звуком отпускали исследуемую область для перехода к новой. Прямо как Кестас делал это с сосочком Альбины. Особой полировкой подвергся участок, называемый в медицинском учебнике клитором. Тут девушки соревновались в искусстве и глубине доставляемых друг другу оргазмических чувств.

Внезапно космическое путешествие в сказочные фантазии и сам эротический полёт были остановлены гулким стуком по батарее отопления. Стучали соседи снизу. Девушки не закрыли кран в ванной комнате. Что-то в сантехнике не сработало, и от переполнения ванны излишки воды устремились к соседям вниз. Пришлось принимать экстренные меры. Карина с Альбиной суетились, ползали голышом, собирая тряпками с пола пролившуюся воду. Потом они, обессиленные, провалились в безмятежный сон. Утром Альбина убежала на работу, а Карина стала ждать сантехника из ЖКУ.

– Здравствуйте, я Гоша Горбачёв, ваш сантехник. Прибыл по вызову. Что у вас случилось вчера? Соседи снизу пожаловались, что был потоп.

– Проходите, Георгий, можете всё осмотреть. У нас в ванне вода перебежала вчера. Вот, значит, такие дела.

Гоша обследовал сливные трубы, быстро устранил неисправность и собирался уже уходить.

– Георгий, я приготовила чай и печенье, присядьте хоть на пять минут, – пригласила парня Карина.

Гоша пил чай и читал стихи, он знал много стихов, голос его был спокойным, тихим и завораживающим.

Когда в пленительном забвеньи,
В час неги пылкой и немой,
В минутном сердце упоеньи
Внезапно взор встречаю твой;
Когда на грудь мою склоняешь
Чело, цветущее красой;
Когда в восторге обнимаешь...
Тогда язык немеет мой;
Без чувств, без силы, без движенья,
В восторге пылком наслажденья,
Я забываю мир земной.
Я нектар пью, срываю розы,
И не страшат меня угрозы
Судьбы и парки роковой.

Раньше Георгий Павлович работал в школе учителем истории после окончания иркутского педагогического института. Но не сложилось. Вернее, не сложились отношения с директором школы. Да и зарплата была мизерная. Гоша был по своей натуре проказником. В женском коллективе он не мог удержаться от соблазна. А соблазн был великим. В школе, новостройке, почти все педагоги были молоденькими и незамужними женщинами. Половина из них были молодыми специалистами, только что окончившими институт. Вот и попал наш Гоша в переплёт.

С учительницей английского языка Екатериной Петровной они, уединившись в кабинете истории, готовились к школьной олимпиаде. По сценарию им выпала роль ведущих. Они с головой окунулись в эту роль. И не заметили, как стали целоваться. Ничего особенного, невинные поцелуи. Может быть, всё могло зайти далеко и глубоко, но дверь резко открылась –

и в кабинет решительным шагом влетела директор школы Афина Евлампиевна. Она была уже не молодой. Всей своей внешностью она напоминала Надежду Константиновну Крупскую – жену и соратницу великого вождя мировой революции В. И. Ленина. Глаза её тоже были рыбьими навывкат. Одежда аскетичная. Короче, мымра мымрой. Мужчин она демонстративно не любила. Удовольствие в своей жизни она получала, наверное, исключительно от того, что орала на молодых учителей и унижала их на планёрках и педагогических советах. Встреча с ней при любых обстоятельствах вызывала омерзение. А при таких, как сейчас, ещё и ужас.

– Вы что, совсем голову потеряли, развратники? Распущенности в храме знаний не место. На следующей неделе будет педсовет, извольте предъявить объяснительные о вашем аморальном поведении. Разговор будет принципиальным и жёстким. Я не допущу разврата в стенах школы, – кричала взбешённая директорша.

– Афина Евлампиевна, мы больше так не будем, простите нас, – взмолились молодые педагоги.

Но директор была непреклонной. Не дожидаясь дня педагогического совета, Екатерина Петровна написала заявление об увольнении и ушла из школы навсегда. Георгия на педсовет не вызывали. Директор перепугалась, что и он может покинуть школу. Инцидент не получил огласки, и о нём скоро забыли. Однако Георгий умудрился залететь повторно.

Прокололся он на учительнице физкультуры. Ох, какой красавицей была гимнастка Милана Ефремовна. Фигура точёная. А токарем был, наверное, Гоген. Смотрелась она рембрандтненько. Когда она в лёгких летних одеждах шла по улице, мужики сворачивали шеи, оглядываясь и любуясь её великолепными формами.

Однажды поздним вечером Гоша встретился с Миланой Ефремовной в школьном спортивном зале. Георгий, как дежурный по школе педагог, обходил кабинеты, готовил школу к сдаче на охранную сигнализацию. А девушка на брусках производила сложные упражнения. Она готовилась к областным соревнованиям по гимнастике. Предстояло защищать честь родного города Усть-Илимска. Гоша, глядя на гимнастку, потерял дар речи и забыл обо всём. На брусках, описывая амплитудные вращения, крутилась обнажённая Милана. Было жарко, в школе уже давно никого не было по причине позднего времени, а дежурного педагога она не стеснялась. Ей, наоборот, хотелось, чтобы он увидел её прелести. Ей хотелось заколдовать его и завладеть его вниманием. Наскоки, махи, штальдеры и другие вращения, обороты в упоре, перевороты, шпагаты, соскоки и новые подходы к снаряду девушки начали сводить с ума нашего учителя истории.

Он обалдел от созерцания обнажённого спортивного тела во всех его интимных подробностях, в деталях и разных ракурсах. Он был заколдован. Потом Милана прыгнула к нему и, предложив продолжить упражнения вместе, заскочила на гимнастического коня. Гоша скинул с себя одежды и тоже заскочил на этого троянского коня. И вот они уже вдвоём на коне помчались по узкой тропе эротических приключений. Кто ржал, конь или Гоша, понять было сложно. Но они уже не видели ничего, кроме своих молодых тел. И не чувствовали ничего, кроме неопишуемого восторга. В этой ситуации они не смогли заметить, как в школу прибыл наряд вневедомственной охраны милиции.

Школа не была сдана на пульт охраны. И по инструкции наряд с представителем администрации школы должен был произвести осмотр объекта и устранить препятствия для выполнения договорных обязательств милиции по охране объекта. Импровизированная комиссия быстро установила причину сбоя в уже сложившемся ежедневном охранном режиме. Парни-милиционеры были смущены, увидев на спортивном снаряде обнажённых эротических гимнастов. Они понимали Георгия, завидовали ему. Каждому хотелось побывать на его месте хотя бы на пару минут. Но служба есть служба, надо начальству писать рапорт. О внеурочных занятиях, которые препятствовали постановке на охрану, и пикантных деталях они писать не хотели и не стали. Пусть завуч сама принимает меры по своей педагогической линии. А заведующая

учебной частью Тамара Павловна, сверкая глазами сквозь толстые стёкла очков, заикалась, бэкала, мэкала и не знала, что сказать. Ситуация была нестандартная.

– Ну, это, Георгий Павлович, вы, как его, это почему так, вроде того что. Как это, типа, я же, чего же, так сказать. Вы, Милана Петровна, как бы, это, ну не знаю...

– Я, Милана Ефремовна, а не Петровна, значит. Чё вы тут говорите? «Так сказать», «это», «типа»? Никак не могу понять смысла вашей речи. И зачем вы здесь в ночное время нарисовались? – затарахтела Милана.

– Не печальтесь, Тамара Павловна, я завтра положу на стол заявление на увольнение, – грустно сказал Георгий.

Так и случилось, так и получилось. Милана осталась работать, а Георгий ушёл из педагогов навсегда.

С тех пор Георгий Павлович стал Гошей сантехником. Он смеялся над самим собой, рассказывая эту свою историю Карине. Она тоже смеялась. Ей понравился этот откровенный парень. Когда расставались, она пригласила Гошу к себе ещё для проверки и профилактики текущего обслуживания, так сказать, системы водоснабжения и канализации. Потом Гоша приходил в квартиру Карины. Они пили чай, непринуждённо болтали и расставались молча, без перспектив углубления отношений. Подруга Альбина частенько приходила к Карине с ночёвкой. Они занимались любовными утехами и гордились своей сексуальной самодостаточностью.

– Карина, мы с тобой можем вполне обходиться без мужиков.

– Конечно, на хрен они нужны со всеми их заморочками.

– Общайся с ним, с мужиком, веди беседу, не задень его самолюбия. Не нагруби, угоди, понравься. Потом ублажай.

– Да, а он носки разбросает по всей комнате.

– Угу, у тюбика от зубной пасты крышку не закрутит.

– Лежать на диване будет, на телевизор пялиться, свой дурацкий футбол смотреть.

– Короче, отстой полный.

– Ну да, и предохраняться от нежелательной беременности не надо без этих придурков. Это тоже немаловажно.

И они, наласкавшись, нанежившись, запускали свои шаловливые пальчики между ног друг друга.

– Как хорошо, нет никаких проблем с потенцией. Хотя и тоньше наши пальчики, чем их эти самые... хи-хи-хи. Ой, ой, ой, как хорошо-то. Давай ещё, ещё.

Девчонки смеялись и продолжали свои необычные ласки.

Однажды в субботу Карина уехала на работу. Был аврал на производстве, и надо было выходить из положения – подчищать хвосты, сдавать отчётность. А Альбина осталась в квартире одна. Она пошла принимать душ. Намылила голову. В ванну набиралась вода, она громко журчала. Девушка опять стала погружаться в эротические грёзы. Плотские желания начали затмевать её сознание. Вдруг в квартире погас свет. Это было аварийное отключение электричества во всём микрорайоне. Эдакое затмение.

Вдруг в дверь постучали. Разгорячённая девушка, не одеваясь, подошла и отворила замок. На пороге появился Георгий. Он смутился, увидев голую девушку, и хотел было уйти, но Альбина взяла его за руку и повела в спальню.

Гоша шёл за ней и думал: «Вообще-то я пришёл в гости к Карине. Правда, мы с ней даже не флиртовали, хотя она мне сильно нравится. Я даже испытывал чувство влюблённости. Однако, я, наверное, ей совсем не интересен, подумаешь, сантехник Афоня, придурок. А эта девушка Альбина довольно смелая...»

Когда вечером с работы приехала Карина, Альбина ей честно призналась:

– Понимаешь, Карина, я тебе изменила с Гошей. Он утром пришёл к тебе, а увидев меня, собрался уходить прочь. Но я его не пустила, я затащила его в постель, и мы занимались сексом. Это было восхитительно.

Воцарилась леденящая пауза. А потом послышался дрожащий голос хозяйки квартиры:

– Альбина, как же ты смогла сделать такое, да ещё на моей постели? Ты оскорбила меня до глубины души, – сокрушалась Карина.

Она зарыдала. Плечи её дрожали, слёзы текли ручьём.

«Неужели она так сильно меня полюбила? – начала ошибочно думать Альбина. – Вот блин, дела-а-а».

Ей было невдомёк, что Карина уже давно была влюблена в Гошу. Неестественная любовь, когда действие не может предполагать зачатие и зарождение новой жизни, противна природе человека. «Голубые» и «розовые» течения никогда не смогут заменить сладострастия полноценной любви мужчины и женщины. Это бесспорно, это от Бога!

Каждый приход Гоши в гости оставлял маленькую зарубочку любви на её сердце. Его разговоры завораживали молодую девушку, чтение стихов заполняло её сердце романтикой. Каждый его уход и последующее расставание заставляли её тосковать, ожидая нового визита.

Прошло время. Альбина уже давно не заходила в гости к подруге. Да и не нужно было это делать. Карина вышла замуж за Георгия, и у них была любящая и счастливая семья. Вскоре на свет появились погодки: дочь Маринка и сын Гоша. Молодые супруги воспитывали потомство и радовались жизни, нашему простому социалистическому быту. Карина любовалась своим мужем Георгием и уже ясно понимала: «Он мой, мой самый любимый. Пусть он хоть все носки по всей квартире разбросает. Пусть он валяется на диване и смотрит свой футбол по телевизору. Пусть он потеряет все крышки от всех тюбиков зубной пасты. Пусть он делает всё, что хочет, в нашем доме. Я люблю его, я люблю! Нет ничего краше своего мужчины, своего любимого мужчины в своём доме».

Шло время. Как-то девушки встретились вновь.

– Карина, а ты почему так откровенно и в деталях рассказывала о наших интимных взаимоотношениях и о своей жизни совсем постороннему мужчине-писателю, пусть он и врач-сексолог? Может, читателю будет фу, как противно про язычок, про дырочки, про трепетные чувства и всё такое прочее? Ты чё, лесбиянство пропагандируешь, что ли? – спрашивает подругу Альбина.

– Ничего я не пропагандирую. А лесбиянство – это как онанизм, только вдвоём. Мужчин этим не отвлетишь, они наоборот готовы полюбоваться таким действием. В их понятиях это как бы не сильно измена. Так, баловство и не более того. В результате же не будет зачатия и не придётся воспитывать чужого ребёнка. Это же не кувыркание с посторонним мужиком. А ещё мы с тобой занимались утехами после гигиенических водных процедур в ванной комнате, значит, у нас была чистая любовь. А если кому противно, так пусть не читает и не слушает, – отвечала, широко улыбаясь и звонко смеясь, Карина.

Проблемы среднего возраста

Летели годы, проходила жизнь. Любовные страсти к мужу затихли уже много-много лет назад. Между супругами была то ли любовь, то ли привычка. Они об этом не задумывались.

Их дети подросли и уже заканчивали школу. Муж Георгий Горбачёв продолжал работать сантехником. На работе его уважали. Много раз предлагали перейти на руководящие должности. У него ведь было высшее образование. Пусть гуманитарное – историк, но всё-таки высшее. Однако он всякий раз отказывался. Говорил, смеясь: «Без меня вы все в говне утонете. Я один из всех сантехников являюсь малопьющим. При этом я знаю наизусть все инженерные сети

нашего микрорайона. Мной уже подготовлен и проэкзаменован на практике не один главный инженер усть-илимского ЖКУ. Я здесь на своём посту нужнее. Руководство меня уважает, вот трёхкомнатную хату дали. Жильцы любят, всегда приветливо встречают. А какой из меня начальник получится – ещё неизвестно».

Были для жены Карины и минусы в этой добросовестной работе мужа. Во-первых, он научился материться как сапожник. Иногда он бывал злым, негибким, как камень, по рабочим вопросам мог поставить любого на место, невзирая на чины и должности. Он чётко знал своё дело, и переспорить его было бесполезно. Спор мог дойти до драки. А драться Гоша умел... Во-вторых, он понемножку, но выпивал. Прикасался, значит, к зелёному змию, как говорится, но в плен к нему не попал. Вот и сегодня в субботний вечер он лежал и похрапывал на диване. Шабашка у их бригад была в пятницу. А заказчик рассчитался не деньгами, а водочкой. В результате после работы Гоша получил лёгкий нокаут в битве с пьянством.

Карина подошла к дивану, поправила подушку, плед, сняла с его ног домашние тапочки и укутала потеплее. Потом взяла книгу и снова погрузилась в роман, завораживающе написанный в XVI веке французским аристократом и, наверное, бабником.

«Ах, какие там были трогательные, поэтичные и романтические сцены, – восхищалась Карина. – Какая любовь клекотала в предместьях Парижа! А как юный герцог завоёвывал свою возлюбленную, прежде чем стал её любовником! Сколько преград и препятствий пришлось преодолеть им на своём жизненном пути. А я, блин, отдала всю свою молодость и красоту этому сантехнику, – она снова посмотрела в сторону спящего и сладко похрапывающего Георгия. – Я-то заслуживаю большего. Мой рыцарь должен приезжать ко мне на белом коне. Становиться на одно колено и нежно целовать мои ручки, трепетно прося о моём снисхождении. Покорно добиваться моего расположения, одаривая меня кольцами с бриллиантами и изумрудами. А что я видела в этой жизни? Да ничего. Свой город Усть-Илимск и усть-илимское холодное рукотворное море – водохранилище ГЭС. Я даже в тёплых краях ни разу не была. В Париж хочу, в Рим, в кругосветное путешествие на белом пароходе, пальмы, кокосы, павлины, крокодилы. А этот гад разлёгся на диване и храпит себе. Он вообще меня не понимает, не ценит мою тонкую натуру, не осознаёт, что рядом с ним королева. Всё, развожусь на хрен. Зачем мне такая убогая жизнь? Пока ещё не все мои женские качества угасли, пока красота моя сверкает, может, ещё испытаю бурю эмоций и океан страсти наполнит мою жизнь. Мне всего-то сорок пять лет. Блин, а этот гад всё храпит и храпит. Убила бы своего милого муженька. Ой, вдруг Гошенька проснётся, ему же похмелиться надо будет», – спохватывается заботливая жена Карина.

Карина бежит на кухню, достаёт из шкафчика две бутылочки чешского пива и заботливо ставит их в холодильник. Чтобы прохладненькое было, вкусненькое. Вернувшись в комнату, она снова смотрит на спящего Георгия. Он развалился на спине. От этого храп стал ещё более интенсивным. Тишину комнаты разрезали звуки духового оркестра, вырывающиеся из груди мужа при его плавном и безмятежном дыхании.

«Вот гад, нажрался, как свинья, а я тут сиди рядом».

Карина снова подошла к мужу и опять поправила съехавший в сторону плед, бережно укрыла своего Гошу.

А в это время вельможный граф преклонил колено перед своей дамой. Его слова лились как хрустальный ручей сладострастных и восторженных звуков. Там, в XVI веке, во Франции разгоралась любовная страсть. Там бурлила жизнь, бурлила природа. Там звёзды, глядя на землю, восхищались таинством и торжеством восплававшей любви.

Карина отбросила книгу.

«А у меня что? Пьяный муж на диване – и всё! Вот блин, докатилась. Так что я видела в своей жизни? Роддом – это первое. Потом – детские ясли. Туда я водила сначала Марину –

доченьку мою любимую, потом Гошеньку младшего – сыночка моего дорогого. Потом – детский садик вперемешку с детскими болезнями, заботами о здоровье ребятишек. Затем – школа, уроки, экзамены, зачёты. Как же я их люблю, моих деточек, моих кровиночек. Без них я просто не представляю своей жизни. Они это моё самое дорогое, самое главное. А без Гошки, моего сантехника, не было бы у меня такого счастья. Не смогла бы одна поднять и воспитать потомство».

«Так, а что там творится в XVI веке во Франции? Как там графьё, герцоги и маркизы?» – спохватилась Карина.

Она снова углубилась в чтение старинного романа.

«Ах, какие у них застолья, сколько разных яств, вина, фруктов. Живут же люди. Ой, налетели лихие люди. Шпаги, мушкетеры, крики, кровь ручьём. Писец всем любовникам, всех замочили. Их возлюбленная рыдает, сопли до пояса. Да пошли они все нах. У меня своя жизнь, в моем XX веке».

Устав от возлежания на диване, Георгий Павлович Горбачёв – глава семьи – изволили проснуться. В семейных труселях (с орнаментом в красный цветочек) длиною до колен и с отвисшим пивным животиком он направил свои вельможные тела на кухню. В холодильнике его величество наткнулось на охлаждённое пиво. Чтобы восстановить своё подорванное слабочувствие, он прильнул к живительному и целебному источнику. Терпкое пиво, впитавшее волшебные солнечные энергии горных Альп, как в воронку устремилось в чрево нашего маркиза. Сибирский граф с зычным глыканьем проглотил содержание сего сосуда. Потом смачно отрыгнул резкие и игристые пивные газы. Другие газы с другого уровня, который был ближе к земле, тоже покинули своё хранилище из-за предшествовавшего напряжения мышц живота. Наконец пробуждение состоялось.

Карина с нескрываемой иронией и любовью смотрела на своего мужа. Ей было смешно, и она смеялась, прежде всего, сама над собой. Она только что вернулась из XVI века. И то, что было там, резко контрастировало с усть-илимской действительностью. Там были грёзы любви, а здесь реалии жизни.

Потом зашкварчали на сковородке свеженькие котлетки. Карина купила для мужа сахатину – дикое мясо. Пока муж спал, перекутила его на электрической мясорубке.

– Гоша, дорогой, иди покушай, я для тебя старалась. Там в холодильнике ещё одна бутылочка пива есть.

Георгий поцеловал жену и уселся за стол.

– Карина, любимая моя, вчера за подвиги на халтуре я заработал нам с тобой и с детьми путёвку под пальмы в тёплые края – во Вьетнам на песчаный пляж. Там всё время лето. Там море диковинных фруктов и овощей и ещё тёплое и солёное море. У предпринимателя, заказчика работ, у которого мы пахали, налички не было. Вот он и рассчитался водкой и путёвками. Надо заявление на отпуск написать на работе. В холодный период времени года проблем с предоставлением отпуска не будет. У нас же в Усть-Илимске девять месяцев зима, всё остальное время – лето. Все отгулять успеют целиком или по частям свой заслуженный отпуск.

Карина обняла и нежно поцеловала своего мужа.

«Какой же он у меня хороший, мой Георгий. Альфа-самец мой грозный, родной и любимый. Ну куда я без него? Какие, на хрен, Парижи и Римы?»

– Я люблю тебя, мой сантехник, мой дорогой муж, наш глава семейства, – ласково шептала Карина. – А слово Сантехник – в первом слове «сан» происходит от Солнца. Солнце ты моё, пивом похмелённое.

И глаза её наполнились слезами, слезами умиления. Карина задумалась: «Надо же, как по жизни получается. Всё знаем из книг о кризисе среднего возраста. Все его должны ожидать,

потому что заранее предупреждены. Но не все понимают, когда он приходит, что делать и как быть. Да ничего не надо делать. Надо нести свой крест. Надо быть терпимее. Надо, наконец, любить своих близких и оберегать их от стресса. Боюсь даже подумать, что было бы, если бы я сорвалась, не выдержала и заистерила, – разволновалась Карина. – Может быть, Георгий понял бы мой заскок, а может быть, психанул бы и сказал: „Флаг тебе в руки и барабан на пузо – катись в свой Париж“. В своих выводах он бывает крут, жесток и непоколебим. Слава Богу, что я оказалась умнее, и Георгию не пришлось отвечать грубостью на мои эмоции», – сделала мудрое заключение женщина бальзаковского возраста.

8.оргазмoтeрапeут, или Рeкoмeндaции пo eдинствeннo пpaвильнoмy мeтoдy лeчeния

Встрeчa друзeй

Вскoрe пoслe oчeрeднoгo бумa нa смeну рaзным экстрасeнсaм пришли цeлитeли всeх мaстeй. Пpaвдa, глaвнoй их зaдaчeй былo нe чтo инoe, кaк выкaчивaниe дeнeг из дoвeрчивых рoссиян. Тaк уж пoвeлoсь, тянутся стpaждущиe нaши coгpaждaнe к нeизвeдaннoму тaинству. A вдруг пoвeзeт и oтступит гeмoррoй мoзгa в лeвoм пoлушaрии, нeжeлaтeльнaя бeрeмeннoсть пpaвoгo жeлудoчкa или пpeдсeрдия oт чeрнoгo дeмoнa или eщe кaкaя-нибудь зaмыслoвaтaя бoлeзнь, нaйдeннaя пoтoмствeнным в сoрoк пятoм пoкoлeнии нaрoдным цeлитeлeм. И нeсут лyди свoи крoвныe сбeрeжeния в рyки прoхиндeев. И прoцeсс этoт нe убивaeм ничeм. Глyпoсть бeссмeртнa. Впрoчeм, кaк и жeлaниe быть здoрoвым. Нoвoявлeнный нaчинaющий цeлитeль, eстeствeннo oт Бoгa, нe инaчe, Вaдик Крaсoвский нaклeивaл y вxoдa в пoликлиникy нa улoцe 8-й Сoвeтскoй oбъявлeниe слeдующeгo coдeржaния: «Дeвyшкaм и жeнщинaм вoзрaстoм дo тpидцaти лeт oпытный цeлитeль гaрaнтирyeт вoсстaнoвлeниe здoрoвья, yвepeннoсти в сeбe и yспeх y мyжчин. При этoм иcпoльзyютcя дpeвниe сeкрeты цeлитeльствa, пpoвepeнныe в вeкax, a тaкжe дoстижeния кинeзиoлoгии (с пpимeнeниeм кoтoрoй лeчилcя Джoн Фицджeрaльд Кeннeди), пoстизoмeтpичeскoй рeлaксaции, тoчeчнoгo мaссaжa, oснoвaннoгo нa дpeвних китaйских пpaктикax». Нижe yкaзывaлись aдрeс и тeлeфoн «сeнсeя» oт мeдицины.

Вaдик oтoшeл мeтpa нa тpи, чтoбы издaли oбoзpeть свoe кpaсoчнoe пpoизвeдeниe рeклaмнoгo иcкyствa, изгoтoвлeннoe стyдeнткaми-пepвoкypcникaми химичeскoгo фaкyльтeтa пoлитeхничeскoгo инcтитyтa. Их oбщaгa рядoм с oбщeжитиeм мeтaллyргичeскoгo фaкyльтeтa. К ним зaxaживaли стyдeнты-мeтaллyрги с рaзными лyбoвными и иными интeрeсaми. Им Вaдим и дoвeрил coстaвлeниe зaмaнчивoгo тeкcтa и нeпoсpeдствeннoe изгoтoвлeниe рeклaмнoгo плaкaтa. Вooбщe, стyдeнты иpкyтcкoгo пoлитeхa вceгдa oтличaлись нeoбyздaннoй нaхoдчивoстью, пpeдпpиимчивoстью и тoнким юмoрoм. Нo тyт нe дo шyтoк, вce былo сeрьeзнo. Лyбyясь и пятясь нaзaд, Вaдик нe зaмeтил, кaк вpeзaлся свoeй кoрмoй в движyщийся в здaниe гoсyдaрствeннoгo лeчeбнoгo зaвeдeния эcкoрт – «инвaлидa» и вpaчa. Сaмo cтoлкнoвeниe былo нe сильным, зaтo рeакция oкaзaлaсь бyрнoй.

– Ты чe жoпoй пpeшь, кaк кoрaбль к пpичaлy, нaх?! – пoслышaлся гpyбoвaтый oкpик.

Вaдим oстaнoвилcя, oн xoтeл рывкнyть в oтвeт чeгo-нибyдь хлeсткoe. Нo пpиглядeвшиcь, зaoрaл рaдoстнo вo вcю глoткy:

– Вaсeя Aлeкcaндpoв, oднoклaсcник мoй дopoгoй, нeжeли этo ты?! Cкoлькo лeт, cкoлькo зим. Кaк я рaд. Ё-мoe, и Гpишкa Пoпoв c тoбoй, пpocтo oбaлдeть.

Он бpoсилcя нaвстpeчy cтapым дpyзьям. Кoрeшa нaчaли oбнимaтьcя. A пpoхoжии шapaхaлись oт них, кaк oт чyмных. Пoтoмy чтo их вoстoрг нeoжидaннoй встpeчи coпpoвoждaлся бyрнoй жeстикyляциeй и дpyжeскими кpeпкими мyжскими слoвeчкaми.

– Вaдькa, ты чe здeсь? Тpиппep, чтo ли, схвaтил и пoдaлся к вeнepoлoгy? – гpoмкo смeялся Гpишкa.

– Нe, Гpишa, мнe этoгo cчaстья нe нaдo. Я oбъявлeниe вывeшивaл. A вы кaкoгo xpeнa, мoлoдыe жeрeбцы, cюдa пpипeрлись? – вoпpocoм нa вoпpoc oтвeтил Вaдик.

– Слышь, Вaсeя нa фyтбoльнoй тpeниpoвкe cтoлкнyлся, yпaл, y нeгo, нaвepнoe, oceвoe смeщeниe пoзвoнкa в пoяcничнoм oтдeлe. Елe кoндыбaeт, бoль oстpaя, пpишли нa рeнтгeн и к нeврoлoгy, eсли пoнaдoбитcя. Или я сaм пo рeзyльтaтaм рeнтгeнoскoпичeскoгo иccлeдoвaния лeчeниe нaзнaчy.

Гpишa нeдaвнo зaкoнчил мeдинcтитyт и рaбoтaл вpaчoм.

А Вася был профессиональным футболистом. Он выступал за главный иркутский футбольный клуб. Александров был одним из лучших полузащитников в команде во все времена. Гриша забрал его прямо с тренировки и на своей машине доставил к медицинскому учреждению для постановки диагноза. Вадик остался ждать на крыльце, а парни погрузились в лоно медицинского учреждения, на фасаде которого красовалась эмблема, имевшая вид змеи, обвивающей чашу с ядом. Вышли они довольно скоро. Гришка, видимо ужаленный змеей, матерился, а Вася слегка постанывал от поясничной боли.

– Блин, невролога нет, уволилась. Блокаду поставить некому, в смысле кому воткнуть есть – это Вася Александров, а втыкальщик отсутствует. Хорошо хоть рентгенолог на месте был. Ё-к-л-м-н, мать-перемать.

– Гриха, ты чё лаешь, как бультерьер? Поехали ко мне. Мы же бродовские, мы с тобой на 5-й Армии живём. Выпьём за встречу. Я на Васькины проблемы гляну, постараюсь позвонки вправить.

– Вадька, ты чё мне мозги вправляешь? Я врач, а ты в политехе на четвёртом курсе восстановился после службы в армии. Тебя чё, в техническом вузе учат позвоночник лечить? Или в армии с танка свалился, головой ударился и просветлел как целитель?

– Да, Гриха, именно так, просветлел как целитель, хоть с танка и не падал. Я в ракетных войсках служил на Дальнем Востоке.

– Ну поехали, бухнуть с корешами завсегда святое дело, – согласились друзья.

Приземлились в ресторанчике, расположенном в доме №67, что на улице 5-й Армии. Раньше там был первый и единственный в Иркутске ресторан китайской кухни «Дракон». Гурманы, скорее гурманши, могли отведать там разные изыски. Например, бычьи яйца или даже бычий член, приготовленные с разными соусами и пряностями. Говорили, что вкусно, но брезгливость чаще побеждала любознательность у многих иркутских жителей. В целом ресторан пользовался успехом. Однако его пришлось закрыть из-за возникшей кровавой разборки среди китайского персонала. Там один повар в порыве гнева отрубил голову другому китайцу – работнику кухни. На этом китайская история там завершилась. Мне об этом случае рассказывала мама. Она, выйдя на пенсию, временно работала там гардеробщицей. Одной дома скучно было сидеть. Привыкла по жизни всё время работать.

Первый опыт целителя

Сидим и очень умеренно выпиваем. Вадиму предстоит диагностировать Васькин недуг с использованием только своих рук. И сверхспособностей, естественно. Заключение рентгенолога Гриша держал в секрете для подведения итогов целительства. После ресторана все подались в дом №71 в третий подъезд на второй этаж, где и проживал Вадим. И вот началось таинство целительства. Вася Александров лёг на диван. Ему уж очень хотелось избавиться от острой боли и восстановиться для участия в чемпионате России. Вадик лёгкими движениями разогрел мышцы спины друга. При этом он сказал, что сам ничего править не будет, это сделает сам пациент. Задача целителя заключается в том, чтобы снять гипертонус, вызванный воспалением вследствие зажатия нерва остистыми отростками позвонков из-за их смещения, и затем способствовать натяжению, или, другими словами, напряжению, определённых групп мышц. С тем чтобы усилиями самого пациента сместившиеся позвонки потянулись и вернулись на своё место. Потом начал большим пальцем руки и гипотенором (область костяшки у основания ладони со стороны мизинца) исследовать и разминать поясничный отдел.

Он безошибочно определил гипертонус мышц в области позвонков L4-L5 и произвёл соответствующие манипуляции. Иными словами, он воздействовал последовательным надавливанием на точки, расположенные вдоль позвонков, пока узелки перенапряжения групп мышц не исчезли. Потом после серьёзного разогрева массажем паравerteбральных мышц

(это те, которые идут вдоль всего позвоночника с обеих его сторон) приступил к правке поясничного отдела позвоночника. Для этого они Васю повернули набок. Манипулируя изгибом колена (три положения согнутости: слегка, больше и почти перпендикулярно к корпусу), находящийся сверху ноги (нижняя всегда прямая) целитель небольшим усилием руки, упёртой в плечо, разворачивал корпус пациента вдоль оси позвоночника назад. При этом работали разные группы мышц поясничного отдела. Они-то и тянули сместившиеся позвонки, заставляя их вернуться на своё место. Когда послышалось лёгкое похрустывание, Вадик ликовал. Он говорил, что это позвонок встал на своё родное место. Потом произвёл аналогичные действия на другом боку лежащего пациента. Для закрепления результата он потребовал от пациента, лежащего на животе, преодолевать сопротивление его руки, поднимая поочерёдно вверх свои выпрямленные ноги с разными тремя углами их раздвинутости.

Короче, пораскорячивал наш целитель Васю в разных позах, заставляя его напрягать свои мышцы в определённых позициях. Сам, гад, даже не вспотел. И теперь смеётся над традиционной медициной, пока Вася отлёживается на спине в течение предписанных ему целителем двадцати минут. При этом врачевании Александров сначала стонал. А после лечения лежал себе и хохотал, как гимнаст с олимпийской золотой медалью в зубах. Блин, гоготал над Гришкой Поповым – профессиональным врачом.

– Гришка, ты мне чё прописывал из пилуль? А на прогревание в физиокабинет десять сеансов тоже? Гы-гы-гы. Плюс всякие там ещё медицинские прибабасы. А Вадик позагигал меня, и вроде всё нормалёк. И диагноз поставил правильно без рентгена. Чё-то я зауважал нашего целителя сильно.

– Рано радуешься, братан, ты ещё встань. Потом гыгыкать будешь.

– Вадька, чё, вставать можно? Я уже двадцать минут вылежался.

– Ладно, Вася, вставай на свои копыта, только не резко, плавненько.

Вася плавно сполз с дивана. Потом присел несколько раз, сгибая ноги в коленях. Затем встал, развёл руки в разные стороны. Ноги раздвинул шире плеч и начал делать вращательные движения корпусом. Сначала плавно. Потом было ускорился. Но Вадим укротил его пыл довольно резко:

– Александров, ты только что раком ползал и кряхтел, как старая бабка, а сейчас, как жеребец, скакать вздумал. Постепенно надо, постепенно наращивать нагрузку на позвоночный столб.

– Ладно вам вытёпываться, – начал вещать представитель традиционной медицины. – Если бы у Александрова была серьёзная травма, Вадим со своими дурацкими манипуляциями усугубил бы состояние. Потом и врачам было бы затруднительно лечить. Не доверяю я всяким целителям, ну хоть убей меня.

Потом успешный целитель и озадаченный доктор выкушали за разговорами и медицинскими спорами целый литр водки. А трезвый Вася Александров решил препроводить опьяневшего Григория через дорогу напротив в его дом, который раньше назывался обкомовским. Но Гриша оттолкнул друга, мол, сам доковыляю. Когда обескураженный Григорий шёл к себе домой, он вслух разговаривал сам с собой. Прохожие оборачивались и крутили пальцем у виска, полагая, что встретили сумасшедшего. Они радовались при этом, что разминувшись с придурком без драки и других эксцессов. А Гриша Попов бубнил:

– Ну, позвоночник человека как кубик Рубика, гибкий такой. Его составные части – позвонки – подвижны. При неудачном повороте корпуса, неправильном подъёме тяжести, простуде, стрессе и много ещё от чего позвонки могут сместиться и зажать нерв, проходящий вдоль позвоночника. При симптомах люмбагии – поясничного остеохондроза позвоночника – врачу надо: во-первых, снять у пациента острую боль, уменьшить воспалительный процесс и освободить корешки зажатых нервов. Для чего сначала делается новокаиновая блокада уколom в болезненные участки, потом применяют НПВС, миорелаксанты, глюкокортикоиды –

препараты, обладающие обезболивающим, противовоспалительным и жаропонижающим действием. Также применяют хондропротекторы, укрепляющие костные ткани и нормализующие обменные процессы в хрящевой ткани. Целесообразно также подключать методы физиотерапии. Это целесообразно делать как в период ремиссии, так и в острый. Такие препараты бывают внутреннего применения, ректальные средства и инъекционные. А ещё надо применять средства, призванные снимать мышечные спазмы, устраняя при этом боль и снимая скованность позвонков и суставов.

Гришка начал вспоминать названия, вызубренные во время учёбы в медицинском институте:

– «Диклофенак», «Диклак», «Диклоберл», «Вольтарен», «Диклобене», «Ибупрофен», «Пироксикам», «Ацеклофенак», «Мелокс», «Алфлутоп», «Декскетопрофен». – При произношении последнего названия Гришка не заметил препятствия на своём пути. С треском, как падающий самолёт-истребитель, он врезался головой в тополь, который рос себе спокойно вот уже более тридцати лет и никому не мешал. Но буйная голова Григория не смогла пройти мимо. В результате тополь оказался крепче, он даже не колыхнулся. А Гришка упал к его «ногам», как подкошенный. Правда, взрыва не последовало. Мочевой пузырь бедолаги и его кишечник смогли удержать своё содержимое внутри хозяина, не выплеснув его наружу от сумасшедшего удара. Хорошо, что Вася Александров остался наблюдать за выражениями, описываемыми неуверенно шагающим другом. Он-то и препроводил до дома представителя традиционной медицины, доведённого до отчаяния неожиданно случившимся исцелением пациента без применения медикаментозных препаратов. И уложил его спать в нетрадиционном виде. Снимать брюки и ботинки обиженный не на шутку Гришка наотрез отказался.

Проводив друзей, Вадим вдруг обнаружил, что второпях Вася оставил на вешалке в прихожей своё демисезонное пальто. Было уже по-весеннему тепло, и Вадим за Василия не переживал.

«Заберёт потом, когда захочет сам», – подумал он.

Грустная Ольга

Шло время, а к целителю никто не обращался. Телефон молчал. Вадик было начал горевать, как вдруг раздался звонок.

– Алё, меня зовут Ольга Степанова, я хотела бы записаться на приём к целителю. Мне нужна его помощь.

Голос девушки звучал взволнованно. Он был красив и чист, но в его интонациях, в еле уловимых оттенках тембра спрятались безнадёга и усталость, неуверенность в себе и что-то ещё очень грустное и даже печальное.

– Хорошо, Ольга, я думаю, смогу вам помочь. Меня зовут Вадим Алексеевич. Приходите завтра в одиннадцать часов.

С утра Вадиму надо было ехать в политех сдавать застарелый хвост – экзамен по теоретической механике. Он подумал, что к одиннадцати утра успеет управиться в институте.

– Ой, так долго ждать, – в голосе послышалась мелодия разочарования и вселенской тоски. Девушка заплакала.

– Хорошо, Ольга Степановна, приходите ко мне через час.

Вадик посмотрел на свои часы. Была половина седьмого вечера. Приближались сумерки, срывалась подготовка к экзамену по термеху (теоретической механике). Но он был несказанно рад первому своему откликнувшемуся на красочное объявление пациенту.

– Ура! – зазвенел голос в трубке телефона. – Только я Ольга Степанова, а отчество у меня Геннадьевна, – взволнованно произнесла девушка.

Вадик в ожидании первой пациентки не находил себе места. Он-то сидел на диване, то вскакивал и подходил к зеркалу. Из него на целителя смотрел импозантный мужчина. Который уже имел некоторый опыт общения с женщинами. Он уже был один раз женат. Но брак распался. Вадим сильно переживал разрыв отношений с бывшей женой. Они вместе учились в школе, и она была его первой любовью и последней. Так думал тогда Вадим. Он запил, бросил институт. Хорошо, что заместитель декана Виктор Яковлевич Баденников настоял на оформлении академического отпуска. Он пояснял, что боль и дурь пройдут. После возвращения из армии надо продолжить учёбу. Вадик был талантливым студентом.

Из прошлого, из грустных воспоминаний Вадима вырвал звонок. Но это не телефон, это звенел дверной звонок: тили-тили. Вадим открыл дверь. На пороге стояла очаровательная блондинка с обалденной фигурой. Она переминалась с ноги на ногу и стеснялась пройти в квартиру, даже не могла заговорить. Они молча смотрели друг на друга в течение минуты, может чуть больше. Потом зачарованный красотой своей первой пациентки Вадим заговорил:

– Ольга Геннадьевна, проходите, пожалуйста, я уже вас ждался.

– Ой, извините меня, Вадим Алексеевич, но я опоздала всего-то на пятнадцать минут. У меня пациент попался ворчливый и злой. Я врач – мануальный терапевт и массажист одновременно, по совместительству. На одну ставку, одну зарплату прожить трудно, вот и приходится... У меня маленький сын, и воспитываю я его одна.

«Она необыкновенная девушка. Такая открытая и добрая», – подумал, приветливо улыбаясь Ольге, молодой целитель.

После ничего не значащих для дела процедур вежливого знакомства началось общение пациента с целителем.

– Уважаемый Вадим, разъясните мне, пожалуйста, на чём основан ваш подход к целительству, поскольку из текста объявления я не могу создать для себя представление о масштабе вашего профессионализма.

– Хорошо, Ольга, я попробую изложить вам свою позицию. Однако вам придётся какое-то время выслушивать меня, и это не будет быстрым процессом.

– Я вся во внимании. При этом я никуда не тороплюсь. Сын мой Иван находится под присмотром няни Ирины. А мне, прежде чем довериться целителю, надо представить для себя картину его подходов к врачеванию и его методов лечения. Думаю, что такой подход разумен.

– Да, конечно, я с вами полностью согласен. – И Вадим перешёл к освещению своих воззрений в области целительства. – Собственно, если упрощённо, то сам мой подход можно разбить на две части. Это представление о человеке в первую очередь как о высокоорганизованном механизме – машине, в каркасе которой происходят химико-биологические процессы, обеспечивающие жизнь этого организма под управлением программы, возникшей вне этой машины и направленной на сохранение и развитие механизмов и самой машины, а также её совершенствования в физическом и духовном плане. И вторая часть – это непосредственное врачевание с использованием метода погружения пациента в состояние, благоприятное для восприятия целебных воздействий.

– Ой, как интересно! – воскликнула Ольга.

– Ольга Геннадьевна, очень прошу меня не перебивать, – назидательно сказал Вадим и продолжил свой монолог: – Так вот, я рассматриваю болезни человека в первую очередь с позиции состояния здоровья его каркаса, если можно так образно выразиться. Ваша медицинская практика по профилю мануального терапевта и массажиста, наверное, позволит легко понять мой подход. Позвоночник со своей гибкой, своеобразной шарнирной системой, соединяющей свои звенья – позвонки, и является тем главным каркасом. К позвоночнику определённым образом с помощью рёбер крепится грудная клетка. Через мудрёные мышечные рычажные соединения – руки, через костные соединения крепится таз, к нему ноги, а венцом позвоночника является голова.

– Вадим Алексеевич, давайте опустим описание анатомии человека. Я это всё изучала пять лет в мединституте и потом два года в ординатуре. Лучше расскажите о сути вашего подхода к лечению пациентов от болезней тела и духа. Насколько я поняла, вы обещали в своём рекламном объявлении дать уверенность в себе молодым женщинам.

– Ольга Геннадьевна, вы меня опять перебили, и я начал терять нить разговора, – посетовал Вадим Алексеевич.

– Извините меня, пожалуйста, – игриво, как провинившаяся школьница, произнесла Ольга.

Вадим продолжил.

– Так вот, например, кардиолог начал лечить ваше сердце. А как он лечит? Опять вернусь к образному сравнению. Он будто бы достал сердце, «вырвав» его из грудной клетки, и начал обследование его состояния – кардиограммы и т. п. В итоге он назначит лечение, пропишет препараты и сделает это всё правильно с точки зрения существующего стандартного подхода к лечению. Но это будет сделано не комплексно, в отрыве от каркаса. Другими словами, смещение позвонков Т5-Т6 (в грудном) торакальном отделе позвоночника может способствовать изменению той или иной функции работы сердца. Устранив проблему со смещением позвонков, которые своими корешками зажимают «нервус кардиалис», мы устраним причину дисфункции сердечной деятельности. А иначе жри таблетки, бегай к кардиологу. При этом все загружены дополнительной работой: и кардиолог, и сопутствующий терапевт, и рентгенолог, и компьютерный томолог, и узист и Бог знает кто ещё. Я же исправляю первопричину – остеохондроз, или, правильнее сказать, торакалгию (боль в грудном отделе) позвоночника. Здоровье и деньги пациента и он сам (все исследования нередко платны и дорогостоящи) при этом не испытывают большой нагрузки и ущерба. Так вот, в первую очередь врачеватель должен обратить внимание на состояние позвоночника. Это и есть основа моего мировоззрения в целительстве. Опять пушусь в образное сравнение. Если каркас твоего дома перекошило, защемило кабеля электроснабжения, сливы канализационных труб и тому подобное, ты что, будешь пить закрепляющие таблетки, чтобы не какать, или купишь грузовик парафиновых свечей для освещения дома? Думаю, нет. Ты примешь меры для устранения деформации дома. Чтобы все его системы работали нормально. Это глобальное решение. Также должен мыслить и врач, занимающийся лечением пациента.

– Звучит очень убедительно. Но как вы будете выправлять эти сместившиеся позвонки? – спросила обомлевшая Ольга. «Как и почему Вадим заговорил именно о грудном (торакальном) отделе позвоночника?» – думала она.

У Ольги с недавних пор побаливало сердце. Она полагала, что это происходит от переживаний, связанных с бракоразводным процессом с мужем Алексеем, делёжкой жилья и имущества, совместно нажитого в браке. Нервотрёпка была нешуточной.

К тому же Ольга давным-давно не получала положительных эмоций. У неё, у необыкновенной красавицы, уже больше года не было интимных отношений. Она в урагане переживаний и в водовороте печали стала забывать, что такое ласка и близость любимого мужчины. Не было у неё никого. Если бы состояние её души описывал космонавт-исследователь заброшенных рукотворных межгалактических станций, то он, наверное, написал бы так: «Сюда длительное время не ступала нога человека. В этом прекрасном месте давно не было простого человеческого тепла. Но здесь прекрасный микроклимат. Здесь могут расти цветы, и даже целые их оранжереи. Эти оранжереи могут быть заполнены щебетанием райских птиц. Здесь могут звенеть хрустальные потоки воды из волшебных фонтанов и светить яркие огни, как маленькие солнышки. А пока здесь запустение. Но здесь можно жить, только вот необходимо всё обживать по-новому».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.